

# Блаженный Августин

## Исповедь

### Книга первая

#### ГЛАВА I

«Велик Господь и достохвален; и велика крепость Его, и разум Его неизмерим» (Пс. CXUV, 3; CXLVI, 5). И вот человек, ничтожная частица творения Твоего хочет восхвалять Тебя, — человек, носящий в себе свою смертность и являющий повсюду свидетельство греховности своей и того, что Ты «противишься гордым» (Иак. IV, 6; I Пет. V, 5); и этот человек, столь незначительное звено в созданном Тобою, дерзает воспевать Тебе хвалу. Но Ты сам возбуждаешь его к тому, чтобы он находил блаженство в прославлении Тебя, ибо Ты создал нас для Себя, и душа наша дотоле томится и не находит себе покоя, доколе не успокоится в Тебе. Дай же мне, Господи, уразуметь, должен ли я прежде призывать Тебя, а затем славословить, или вначале познать Тебя, а потом — призывать? Ибо кто может призвать Тебя, не зная Тебя? Или же надлежит призвать Тебя, дабы познать? «Но как

призывать Того, в Кого не уверовали? Как веровать в Того, о Ком не слыхали? Как слышать без проповедующего?» (Рим. X. 14). И восхвалят Господа взыскующие Его. Ибо только ищущие могут обрести Его и обретающие — славословить Его. Итак, взыскую Тебя, Господи, призывая Тебя, и призываю Тебя, веруя в Тебя, ибо о Тебе проповедано нам. Призывает Тебя, Господи, вера моя, дарованная Тобою, которую Ты вдохнул в меня человеколюбием Сына Твоего, служением Исповедника Твоего.

## ГЛАВА II

И как призвать мне Бога моего, Бога и Господа моего? Взывая к Нему, призову Его в себя самого. Но где же то место во мне, куда призвал бы я Бога моего? Где вселится в меня Бог, сотворивший небо и землю? Есть ли, Господи, что-либо такое во мне, что могло бы вместить Тебя? И само ли небо и земля, созданные Тобою, вместе с которыми Ты создал и меня, — вмещают ли Тебя? Но если все сущее не было бы сущим без Тебя, то, выходит, Ты присущ всему сущему и ничто не может быть чуждо Тебя. А раз и я существую в ряду творений Твоих, то зачем домогаюсь, чтобы ты взошел в храмину души моей и водворился в ней, коль скоро я не был бы сущим,

не будь Тебя во мне? Ведь не в аду же я, хотя Ты и там: «сойду ли в преисподнюю и там Ты» (Пс. СXXXVIII, 8). Не было бы меня, Боже, не было бы совсем, если бы Ты не был во мне; или, точнее, я не был бы, если бы не был в Тебе, ибо «все из Него, Им и к Нему» (Рим. XI, 3б). Истинно, Господи, так! Куда же я зову Тебя, когда я сам — в Тебе? Или откуда Ты приидешь ко мне? И куда деваться мне с неба и земли, чтобы оттуда мог снизойти ко мне Бог, сказавший: «Не наполняю ли Я небо и землю» (Иер. XXIII, 24)?

### ГЛАВА III

Итак, вмещают ли Тебя небо и земля, если Ты наполняешь их? Или, наполняя их, остаешься невместимым, ибо они не всего Тебя вмещают? Но куда изливаешь Ты то, что остается от Тебя, наполняющего небо и землю? Или Тебе, содержащему все, нет нужды содержаться в чем-либо, поскольку то, что Ты наполняешь, Ты и содержишь, Сам же не содержишься тем, что наполняешь? Ведь не сосуды же, наполняемые Тобою, делают Тебя неизменным и непреложным: сами они разбиваются и сокрушаются. Ты же Сам в Себе не терпишь от этого ущерба, ибо несколько от них не зависишь. И когда изливаешься на нас свыше, то нас восполняешь, а Сам не оскудеваешь;

не ниспадаешь, а восстанавливаешь; не расточаешь Себя, а собираешь нас. Но, наполняя Собою все, всем ли Собою наполняешь? И если твари не могут вмещать Тебя, Творца всего, целиком, то не вмещают ли они Тебя по частям? И притом одинаково ли все, или по разному, например, большие (твари) — больше, а меньшие — меньше? И значит ли это, что в Тебе могут быть части, большие и меньшие? Или Ты везде весь, но ничто не вмещает Тебя всецело?

## ГЛАВА IV

Кто же Ты, Господи мой? Кто или что, как не Господь Бог. «Ибо кто Бог, кроме Господа, и кто защита, кроме Бога нашего?» (Не. XVII, 32). Высочайший, совершеннейший, всемогущий, всеблагой и всемилосердный, в высшей степени правосудный и справедливый, недоступный и всем присущий, истинная красота и необоримая сила, неизменный, но изменяющий все, нестареющий и необновляющийся, но обновляющий все и старящий гордых в их неведении, всегда покоящийся и вечно творящий, все собирающий и ни в чем не нуждающийся, все носящий, наполняющий и поддерживающий, питающий и совершенствующий, обо всем заботящийся и ни в чем не имеющий недостатка. Ты любишь, но не

волнуешься, ревнуешь, но не тревожишься, раскаиваешься, но не скорбишь, гневаешься, но не возмущаешься, изменяешь дела, но не изменяешь намерений, воспринимаешь, но не теряешь, ни в чем не нуждаешься, но, приобретая, радуешься, не корыстен, но требуешь лихвы. Тебе воздается, чтобы склонить к щедрости, но у кого есть что-либо, что не от Тебя? Ты воздаешь, платя долги, но кому же Ты должен? Прощая, оставляешь долги, ничего не теряя. Но что все слова мои, Господи мой, жизнь моя, радость и утеха моя? Но горе безмолвствующим о Тебе, когда и многоречивые немеют.

## ГЛАВА V

Но кто даст мне успокоение в Тебе? Кто утешит меня, сделав так, чтобы снизошел Ты в душу мою и наполнил Собою сердце мое, дабы забыть мне все горе мое и Тебя, единое благо мое, воспринять и возлюбить? Что Ты для меня? Сжался, дозвожь говорить, и я скажу сам себе: что я сам для Тебя, что заповедуешь мне любить Тебя, и если я не буду любить Тебя, Ты вознегодуешь и ниспослешь великие бедствия? Велики ли, или не столь уж и велики эти бедствия, если я не буду любить Тебя? Увы мне! Скажи мне из сострадания Твоего ко мне, Господи Боже мой, что Ты для меня.

Скажи душе моей: «Я спасение твое» (Пс. XXXIV, 3). Скажи так, чтобы я услышал. Готово сердце мое и открыты уши для гласа Твоего: «Я спасение твое». И последую я за гласом Твоим, и настигну Тебя. Не укрой от меня лица Твоего: пусть я умру, но умру, увидев его.

Тесна храмина души моей, как войти Тебе в нее и как поместиться? Но Ты расширь ее. Она в руинах — восстанови и обнови ее. Знаю, много есть в ней нечистого, что оскорбит взор Твой, но кто очистит ее? К кому, как не к Тебе воззову я: «От тайных (грехов) моих очисти меня и от умышленных удержи раба Твоего, чтобы не возобладали мною» (Пс. XVIII, 13,14)? «Я веровал, и потому говорил» (Пс. CXV, 1), Ты знаешь, Господи. Не пред Тобою ли исповедал я грехи мои, Боже, избличая себя в них? И Ты простил мне неправды мои, остановил нечестие сердца моего. Мне ли судиться с Тобою, Который есть Истина? И самому себе я лгать не намерен, да не солжет мне неправда моя. Ибо «если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, — Господи! кто устоит?» (Пс. CXXIX, 3).

## ГЛАВА VI

Но все же дозвожь мне, Господи, хотя я — прах и пепел, дозвожь мне пред Твоим милосердием

возвысить голос мой. Ведь я взываю к милосердию Твоему, а не к человеку, могущему высмеять меня. Пускай и Ты посмеешься, но Ты же, сжалившись, и помилуешь. Ибо что я хочу сказать Тебе, Господи мой! Начать с того, что я не знаю, откуда пришел сюда, в эту мертвую жизнь или живую смерть. И вот меня, пришельца, восприняло и утешило сострадательное милосердие Твое, как слышал я еще от плотских родителей моих, отца и матери, из которых Ты образовал меня. Сам я об этом ничего не помню, но знаю: вскормил меня молоком, по детской немощи моей, Твой благостный промысел. Не мать моя, не кормилица питали меня сосцами своими, но Ты через них подавал младенцу его детскую пищу по законам природы, предначертанным Тобою, по богатству щедрот Твоих, которыми Ты благодетельствуешь всякую тварь по мере потребностей ее. Ты также даровал мне ощущать, сколько требовалось мне еды, дабы я не требовал сверх меры, и в кормивших меня вложил желание давать мне то, что они давали. И они охотно давали мне то, что в изобилии получали от Твоих щедрот. Ибо благо мое было и их благом, и хотя ими передавалось мне, но происходило не от них, а через них совершалось Тобою, поскольку всякое благо — от Тебя, и от Господа моего — спасение мое. Я понял это гораздо позже, хотя уже тогда Ты взывал ко мне, ниспосылая Свои дары. Но

в то время я умел лишь сосать материнскую грудь, покоиться на ее лоне, утешаться ее ласками и плакать, если чувствовал телесные неудобства.

Потом я научился смеяться, сперва во сне, а потом — и наяву. Так мне говорили, и я поверил, ибо видел тоже и у других младенцев, хотя о себе этого не помню. И вот уже я начал различать окружавшие меня предметы и стал пытаться сообщать о своих желаниях тем, кто мог бы их исполнить; но ничего не выходило, так как желания мои были во мне, а те, к кому я обращался — вне меня, и они не могли проникнуть в душу мою. Я подавал знаки и хныкал, но все это было убого и невыразительно, и понять меня никто не мог. И когда желания мои не выполнялись, то ли потому, что меня не понимали, то ли боялись, что их исполнение могло бы мне повредить, я негодовал и досадовал на старших, которые не подчинялись мне и не слушались, и сам себя наказывал за это плачем. Впрочем, таковы все младенцы, и сам я был таков: в этом убедили меня не столько мои воспитатели, сколько сами не умеющие говорить и несознающие еще младенцы.

Но вот младенчество мое давно уже умерло, а я все еще живу; Ты же, Господи, живешь всегда и ничто не умирает в Тебе, ибо Ты — вечно сущий, прежде всего сотворенного; Ты — Бог и Владыка всего, что сотворено Тобою; у Тебя вечные



причины всего преходящего, в Тебе непреложные начала всего изменяемого, и все, само по себе временное и беспокойное, находит в Тебе и у Тебя и вечную жизнь, и всегдашнее успокоение. Так ответь мне, припадающему к стопам Твоим, ответь по милосердию Твоему к недостойному рабу Твоему: предшествовал ли младенчеству моему какой-либо иной возраст, мною забытый, или же все это ограничивалось тем состоянием, в котором я пребывал в материнской утробе? Ибо и об этом времени со слов других кое-что мне известно, да и сам я видел беременных женщин. Но что же было до этого, Боже мой, радость моя, был ли я и до этого где-нибудь и чем-нибудь? Кто еще может дать ответ: и мать моя, и отец о том не знали, и другие не ведают, и опыт молчит. Не смейся над моим вопросом, но дозвошь восславить и исповедать Тебя, Господи, и за то немногое, что я сумел познать.

Исповедую Тебя и исповедуюсь, Господи Боже, Владыка неба и земли, и благодарю за начато к жизни и младенчество, которых не помню, но о которых Ты даровал возможность догадываться и верить, слушая рассказы кормилиц и нянек и наблюдая за другими. Ибо я жил уже и тогда, хотя только под конец младенчества стал искать знаки, с помощью которых мог бы сообщить свои чувства другим. Откуда же могло произойти это живое

существо, как не от Тебя, Господи? И есть ли кто на свете, кто создал бы себя сам? И можно ли представить другую причину нашего бытия и нашей жизни, кроме Тебя, Господи, Творца и Создателя нашего, в Котором бытие и жизнь — неразделимы, ибо Ты сам — высочайшее бытие и высочайшая жизнь? Ты — Всевышний, Ты — неизменный. Для Тебя не проходит настоящий день, хотя он и проходит, ибо все — в Тебе. И как он мог бы пройти, когда бы неизменно не пребывал в Тебе? «Ты — тот же, и лета Твои не кончатся» (Пс. СІ, 28); эти лета Твои — не всегдашний ли, один и тот же непрерывный день? Сколько дней и лет наших протекли через этот Твой неизменный день, в нем и через него изменяясь, сколько еще протечет! И все наше прошлое, все будущее — все у Тебя в Твоем вечном сегодня. Кому-то неясны слова мои? — что за беда! Пусть молится не о том, чтобы искать Тебя, но чтобы найти, ибо стократ лучше не искать, но найти, чем, ища, не находить Тебя.

## ГЛАВА VII

Услышь меня, Господи! Горе грехам человеческим! Так говорит человек, и Ты милосердствуешь о нем, ибо Ты сотворил его, но не грех — в нем. Кто расскажет мне о младенчестве

моем, кто откроет мне грехи его? Ибо кто чист от греха пред Тобою? Никто, даже младенец, хотя бы он прожил один только день. Кто поведает мне об этом? Неужто другой младенец, в котором я увижу прегрешения свои?

Итак, в чем я тогда погрешил, или чем? Не тем ли, что, рыдая, жадно раскрывал рот, ловя сосцы матери моей? Ведь, раскрывай я подобным же образом рот сейчас, не в поисках материнского молока, конечно, а для принятия соответствующей моему возрасту пищи, я подвергся бы насмешкам и справедливому осуждению. Следовательно, и тогда я делал нечто предосудительное, но так как не понимал этого, да и не мог понимать, вряд ли это могло быть поставлено мне в вину. Осознание этого приходит с годами, но я не видел ни одного разумного человека, который бы, выметая из дома сор, выбрасывал и полезные вещи. И хорошо ли было, даже со скидкой на младенчество, плачем требовать недолжного, сердиться и негодовать на непослушных старших, даже на родителей, царапаться и драться и по мере сил всячески вредить за то, что не исполняли они детских капризов и причуд? Нельзя упрекать младенцев за слабость и немощь их тел, но душевные изъяны заслуживают порицания. Мне довелось видеть, например, завистливого малыша: он еще не умел говорить, но уже злобно и ревниво поглядывал на

молочного брата. Да и многие могли наблюдать нечто подобное. Говорят, кормилицы замаливают в таких случаях грехи свои и как-то их искупают, но как — не знаю. Скажу одно: какая же это невинность, когда у груди матери, полных молока, один ребенок требует удаления от них другого, равно нуждающегося в этой пище? На это принято смотреть снисходительно; не потому, что это — пустяк, а потому, что с возрастом, как полагают, это должно пройти. Пожалуй, что так, но не всегда; и если не проходит, то справедливо осуждается и подвергается наказаниям.

Итак, это Ты, Господи, дал жизнь младенцу и облачил его в тело, одаренное всеми чувствами, Ты составил его из разных членов и придал соразмерный вид, для самосохранения наделил всеми стремлениями и склонностями живого существа. Ты заповедуешь мне «славить Господа и петь имени Твоему, Всевышний» (Пс. ХСІ, 2), ибо Ты — Бог всемогущий и всеблагий, и то, что Ты соделал, Художник и Промыслитель, дающий образ, и красоту, и строй всему по законам Своим, кто еще соделает?

Но этот возраст, Господи, возраст, о котором я ничего не помню и о котором сужу лишь по рассказам других или по наблюдениям за другими, — этот возраст с большой неохотой причисляю я к жизни моей, которой живу я в этом

мире. Ибо помню я об этом возрасте не больше, чем о пребывании своем в материнской утробе. Но коль скоро «я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя» (Пс. L, 7), то где я, раб Твой, Господи, где и когда был я невинным? Итак, я оставляю это время, о коем дерзнул спросить Тебя. Да и что мне за дело до него, когда не сохранилось у меня о нем никаких воспоминаний, никаких следов.

## ГЛАВА VIII

Прошло время, и из младенчества я вступил в отрочество; вернее, наступило отрочество, заменив собою младенческий возраст. Впрочем, и младенчество не покинуло меня, ибо куда ему было меня покинуть, но, однако же, его уже не было. Я перестал быть бессловесным младенцем, но стал отроком, умеющим произносить слова. И я уже помню об этом, помню, как научился говорить. Меня не обучали этому специально, показывая те или иные слова в определенном порядке, как это часто делали впоследствии, уча азбуке и письму, но сам я умом своим, дарованным мне Тобою, Боже, запоминал имена тех или иных вещей, называемых старшими, потому что не имел возможности выразить чувства души моей ни плачем, ни криком, ни какими-либо телодвижениями. Итак, старшие называли ту или иную вещь, затем, вновь

обращаясь к ней, называли тем же именем, и это задерживалось в моей памяти. Помогало мне и то, что при этом использовались жесты, этот естественный и общий всем народам язык, что-то отражалось и в глазах, и в интонациях голоса; состояние души, желающей или отвергающей, так или иначе проявлялось во всех движениях тела. Так, часто слыша в разговорах одни и те же слова при одних и тех же обстоятельствах, я мало помалу научился понимать их значения, научился выговаривать их и ими выражать свои желания. И, научившись пользоваться словесными знаками, я вступил в бурную жизнь человеческого общества, все еще, однако, завися от власти родителей и воли старших.

## ГЛАВА IX

Господи Боже мой! Каких только бедствий и издевательств не испытал я тогда, когда мне, мальчику, вменялось в обязанность только одно: неукоснительно следовать наставлениям, чтобы прославиться в этом мире, преуспеть в науках и, прежде всего, в ораторском искусстве, открывающем путь к почестям и богатству. С этой целью меня послали в школу для изучения наук, пользы которых я, несчастный, понять не мог; а между тем, когда я ленился, меня секли. Так

повелось исстари, и многие, жившие задолго до нас, проложили эти скорбные пути, умножавшие труды и болезни сынов Адамовых. Впрочем, встретились мне люди, обратившиеся к Тебе, Господи, и я научился у них чувствовать и мыслить о Тебе, как о некоем Великом Существо, скрытом от нас, но могущем услышать и помочь. И я, мальчишка, начал молиться Тебе, прося о заступничестве и убежище. Преодолев детское косноязычие, я молил Тебя, чтобы не секли меня в школе, но Ты не внимал мольбам моим, и родители, которые, конечно, не желали мне зла, смеялись надо мною, что особенно печалило меня и повергало в уныние.

Господи! Найдутся ли возвышенные души, воспламененные такою любовью к Тебе, великие умы, столь беззаветно преданные Тебе, что не смутят их ни козлы, ни когти, ни иные орудия пыток, об избавлении от которых денно и ночью молят Тебя по всей земле? И будут ли они так же равнодушно взирать на тех, кто страшится подобных мук, как бывают равнодушны родители наши к тем мучениям, которым подвергаются дети от своих учителей? Как мы боялись этих мучений, как горячо молили Тебя избавить нас от них, а между тем грешили, ленясь учиться и писать, и читать, и размышлять, как от нас того требовали учителя. Ведь была же у меня и хорошая память, и живой ум, коими Ты благоволил наделить меня,

Господи, но я предпочитал игры, терпя от тех, кто любил то же самое. Но взрослые называют свои игры делом, а за детские дела детей наказывают. Я терпел побои за игру в мяч, из-за которой забывал учить буквы, которыми потом, став большим, играл в куда более мерзкие игры. И разве учитель, бывший меня, занимался не тем же самым? Ведь если в состязании он бывал побежден более ученым и сведущим, разве его меньше душили обида и зависть, чем меня, когда мой товарищ побеждал меня в игре?

## ГЛАВА X

Как я грешил, Господи, все сотворивший и все сдерживающий; грехи, впрочем, только сдерживающий. Я грешил, пренебрегая наставлениями родителей и учителей, хотя грамотность принесла мне впоследствии немало пользы; я был непослушен не из стремления к лучшему, а из лени и любви к игре. Я любил быть первым в играх и гордился, когда побеждал. Но уже разбужено было мое любопытство, и я жадно ловил слухи и сплетни, все больше мечтая посетить зрелища, игры взрослых. Их устроители занимают высшие должности, те, которые прочат своим детям многие родители, а между тем не возражают, чтобы детей секли, если эти зрелища мешают учебе.



Выходит, родители хотят, чтобы хорошая учеба дала их детям возможность устраивать такого рода зрелища. Взгляни на это, Господи, взгляни милосердно; освободи нас, обратившихся к Тебе, освободи и тех, кто еще не обратился: да обратятся они и да станут свободными.

## ГЛАВА XI

Я уже слышал о вечной жизни, обещанной нам через уничтожение Господа, нисшедшего к нашей гордыне. Я был ознаменован крестным знаменем Его и освящен солью ' при рождении из чрева матери моей, уповавшей на Тебя, Боже. Ты видел, как еще мальчиком я так болел животом, что чуть не умер; Ты видел это, ибо уже тогда был хранителем моим, Ты видел, сколь благочестиво молил я мать мою, а через нее — и мать нашу Церковь, чтобы меня окрестили во имя Христа, Бога и Господа моего. И мать моя, веруя в Тебя и вынашивая в чистом сердце своем вечное мое спасение, уже готовилась омыть меня и приобщить к святым таинствам Твоим ради отпущения моих прегрешений, но я внезапно выздоровел. Очищение мое тут же было отложено, как будто оставшись в живых я должен был прежде еще больше вымараться в грязи, будто бы грязь прегрешений, совершенных после святого омовения, была еще

грязнее.

Итак, я уже веровал; верили и мать моя, и все домочадцы, кроме отца, которому, однако, не удалось одолеть во мне уроков материнского благочестия и удержать от веры в Христа, в Которого сам он не верил. Благодаря матери моей отцом моим скорее был Ты, чем он; Ты возвысил ее над мужем, но Ты же ее и подчинил ему.

Господи, если будет Тебе угодно, ответь, зачем было отложено крещение мое? Чтобы освободить пути греховному зуду моему? Почему и доселе приходится мне слышать, как говорят о том или ином грешнике: «Пусть его! Ведь он еще не крещен»? Ведь если речь идет о здоровье тела, никто не скажет: «Пусть его продолжают ранить: он ведь все равно болен». Разве не легче и быстрее выздоровел бы я, поддерживаемый своими близкими. Т. е. был совершен обряд, «предваряющий крещение», но не само крещение, которое предпочитали совершать в зрелом возрасте, дабы этим смыть все предшествующие грехи.

Если бы было даровано мне крещение Твое, осенившее спасение души моей? Впрочем, мать моя знала, скольким искушениям подвергается человек, выходящий из детского возраста, и предпочитала, чтобы им подвергался прах земной, а не образ Божий.

## ГЛАВА XII

В детстве моем, таившем меньше опасностей, нежели юность, я не любил занятий и не терпел, когда меня к ним принуждали; меня же к ним принуждали, и это было благом для меня, но я противился благу; если бы меня не принуждали, я бы и не учился. Принуждение человека к чему-либо против его воли — не есть добро, даже если то, к чему его принуждают — добро. И принуждавшие меня поступали дурно, хорошим же это стало для меня по Твоей воле, Боже. Ведь помыслы принуждавших были направлены на то, чтобы выученное мною я приложил к обретению нищего богатства и позорной славы. Ты же, у Которого наши «волосы на голове все сочтены» (Мф. X, 30), использовал заблуждения заставлявших меня учиться мне во благо, мои же, т. е. лень и нежелание учиться, — для справедливого наказания, которое заслужил я — малый отрок и великий грешник. Так благодетельствовал Ты меня через заблуждавшихся и карал за мои собственные грехи. Ибо такова воля Твоя: да несет всякая неустроенная душа наказание в себе же самой.

## ГЛАВА XIII

Но почему я так ненавидел греческий,

которому меня пытались обучать с раннего детства? Этого я понять не могу. Латынь я любил, хотя и не ту, которой обучают в начальных школах, а уроки так называемых грамматиков<sup>1</sup>. Начальное же обучение чтению, письму и счету тяготило меня не меньше греческого. Откуда это, как не от греха и житейской суетности, от плоти и дыхания, «которое уходит и не возвращается» (Пс. LXXVII, 39). Это начальное обучение, благодаря которому я обрел возможность читать и писать, было, конечно же, лучше и надежнее тех уроков, на которых меня заставляли учить о скитаниях какого-то Энея, забывая о своих собственных, плакать над Дидоной, покончившей с собою из-за любви, в то время как сам я, несчастный, умирал на них для Тебя, Господи, любовь Моя.

Воистину, жалкое зрелище: оплакивающий Дидону, умершую от любви к Энею, не оплакивает себя, умирающего из-за отсутствия любви к Тебе, Господи, светоч сердца моего, хлеб души моей, сила ума моего, лоно мысли моей. Я не любил Тебя и изменял Тебе, и гул одобрений сопровождал изменника. Дружба с этим миром — измена Тебе; ее приветствуют и одобряют, и люди стыдятся быть

---

<sup>1</sup> Т. е. уроки литературы — чтение и толкование поэтов и прозаиков.

не такими, как все. Итак, я не плакал об этом, а плакал о Дидоне, «угасшей, ушедшей к последним пределам»<sup>2</sup>, — я, шедший сам за последними творениями Твоими, покинувший Тебя прах, идущий к праху. Я опечалился бы, если бы у меня отняли эту книгу, печалившую меня! И такие-то глупости почитаются более почетным и высоким образованием, чем обучение чтению и письму! Господи, да прозвучит сейчас в душе моей правда Твоя: да не будет! Гораздо выше, конечно, простая грамота. Я скорее готов позабыть про мытарства Энея, чем разучиться читать и писать. Над входом в школы грамматиков свисают завесы, но это не знаки почтенных тайн, а стыдливое прикрытие заблуждений. Пусть не возмущаются они, услышав эти слова: я их уже не боюсь, исповедуясь Тебе, Боже, в том, чего жаждет душа моя; мне приносит успокоение, когда, осуждая злые пути свои, я прилепляюсь к Твоим благим путям.

Пусть же умолкнут возмущенные крики продавцов и покупателей литературной премудрости; ведь если спросить их, правду ли сказал поэт, что Эней некогда прибыл в Карфаген, то те, кто попроще, ответят, что не знают, более же сведущие определенно скажут, что — нет. Но если

---

<sup>2</sup> Вергилий. Энеида, кн. VI-ая.

я спрошу, сколько букв в имени «Эней», все, обучавшиеся грамоте и счету, ответят правильно, в соответствии с принятым у людей значением букв и цифр. И если я задам им вопрос, что причинит им в жизни больше неудобств: забвение грамоты или поэтических басен, то разве непонятно, что ответит любой здравомыслящий человек? Таким образом, я грешил уже тем, что предпочитал пустые рассказы полезным урокам, а точнее — любя первые и ненавидя последние. Один да один — два; два да два — четыре. Господи, как ненавидел я эту волынку! И сколь сладостным было для меня это зрелище: деревянный конь, наполненный воинами, горящая Троя и «тень Креусы самой»<sup>3</sup>.

## ГЛАВА XIV

Но почему ненавидел я греческую литературу, где подобными баснями пруд пруди? Кто в этом деле искуснее Гомера? А между тем, хотя в своей суетности он столь сладок, мне, отроку, он был горше горького. Я полагаю, что и Вергилий будет противен греческому юнцу, если его будут принуждать изучать Вергилия также, как меня — Гомера. Трудности, обычные при изучении чужого

---

<sup>3</sup> Вергилий. Энеида, кн. 11-ая. Креуса — жена Энея.

языка, были желчью, полившею мед греческих баснословии. Я еще и слова не мог понять по-гречески, а от меня уже требовали, чтобы я заучивал их, и грозились суровыми карами. Ведь младенцем я не знал и латыни, но выучился ей на слух безо всякого страха и мучений от кормилиц, шутивших и игравших со мною, среди ласковых речей, веселья и смеха. Никто не принуждал меня, кроме собственного моего сердца, понуждавшего рождать зачатое, что было бы невозможно, не выучи я, не на уроках, а во время бесед, тех слов, при помощи которых я мог сообщить другим свои мысли. Поэтому ясно, что для изучения языка свободное любопытство куда важнее, чем грозная необходимость. И первому, по законам Твоим, всегда преграждает путь второе; по тем Твоим законам, Господи, которые управляют и учительской линейкой, и искушениями праведников; по которым надлежит проливаться спасительной горечи, дабы отвратила она нас от смертоносной сладости, уводящей от Тебя.

## ГЛАВА XV

Внемли, Господи, молитве моей, да не ослабеет душа моя под водительством Твоим, да не ослабею я сам, свидетельствуя пред Тобою о милосердии Твоем, отвратившем меня от злых

стезей моих. Будь сладостнее всех сладостных соблазнов, соблазнявших меня. Да возлюблю Тебя всеми силами души моей, да прильну к Твоей благодати всем сердцем моим. Избави меня. Господи, от всех искушений до конца моих дней. Да служат Тебе, Господи, Царь мой, Бог мой, все то доброе, чему выучился я отроком: и слово мое, и писание, и чтение, и счет. Когда увлекали меня суетные науки, Ты взял меня под Свое начало и отпустил мне грехи моего суетствования. Ведь многое даже из того пошло мне на пользу, хотя я мог бы познать все это, занимаясь и чем-нибудь лучшим.

## ГЛАВА XVI

Горе людскому обычаю, бурно несущему нас в своем потоке. Кто воспротивится ему? Когда он утихнет? Доколе будет увлекать нас в огромное и страшное море, переплыть которое могут разве взошедшие на корабль? Разве не читал я, влекомый этим потоком, о Юпитере, что и гремел, и прелюбодействовал? Такое трудно вообразить, а между тем нас хотят убедить, что было и прелюбодеяние, и гром. Кто из учителей, гордо завернувшись в свой плащ, прислушался бы к словам человека, такого же праха, как и они, который бы сказал: «Гомер перенес человеческие



пороки на богов. Лучше бы он научил людей божественным добродетелям»? Впрочем, басни — баснями, но когда преступным людям приписывают божественные достоинства, то порок перестает считаться пороком, и порочный выставляет себя подражателем уже не человеческой низости, а божественной высоты.

И в этот адский поток бросают сынов человеческих, чтобы они изучали все это, да еще и за плату! Сколь достойное дело делается публично на форуме пред лицом законов, назначающих (учителям) сверх платы от учеников еще и плату от города! Но вот поток, ударяясь о скалы, звенит. «Тут учатся говорить, приобретают красноречие, необходимое для убеждения и передачи мыслей». Действительно, где бы еще могли мы выучиться таким словам, как «золотой дождь», «лоно» «обман», если бы Теренций не изобразил молодого повесу, который, увидев фреску, решил подражать Юпитеру в своем разврате. Он увидел на рисунке, как Юпитер некогда обманул Данаю, пролив на лоно ее золотой дождь. И вот уже наш герой разжигает свою похоть, как бы получив добро с небес: Великий бог, небесный храм сотрясший громом! Ну, как не совершить мне то же, человеку малому<sup>4</sup>?

---

<sup>4</sup> Теренций. Евнух.

Беда не в том, что эти слова легко запоминаются в силу их мерзкого содержания, а в том, что они позволяют легче совершать сами мерзости.

Я осуждаю не слова, эти драгоценные сосуды, а вино заблуждения, которое нам подносят в них пьяные учителя. А попробуй не пей: высекут и не позволят обратиться в суд! И однако, Господи, пред очами Твоими я могу вспоминать об этом спокойно: да, я охотно учился этому, даже наслаждался; и потому обо мне говорили: сей отрок подает большие надежды!

## ГЛАВА XVII

Позволь, Господи, покаяться в тех глупостях, на которые растрачивал я дарованные Тобою способности. Помню, задали мне подготовить и произнести речь Юноны, раздосадованной тем, что не может перекрыть путь тевкрам<sup>5</sup> в Италию. Наградой была похвала, наказанием — насмешки и розги. Я никогда не слышал о подобной речи, но нас заставляли выискивать это в поэтических

---

<sup>5</sup> Т. е. троянцам. Название происходит от имени их первого царя Тевкра.

баснях, дабы затем высказать в прозе описанное в стихах. И чем лучше мог изобразить кто-либо гнев и печаль, чем точнее были подобранные им слова, тем большего он заслуживал одобрения. Но что мне с того, Господи мой, жизнь моя, что мне за мои декламации рукоплескали больше, чем моим соученикам? Разве все это не ветер и дым? Неужто не было лучших тем для упражнения памяти и языка? Восхваление Тебя, Господи, славословие Тебя из Писания — вот что должно было служить опорой сердца моего! Тогда его не увлекли бы, как жалкую добычу крылатых стай, глупости и суета. Не на один ведь лад приносятся жертвы падшим ангелам.

## ГЛАВА XVIII

Что же удивительного в том, что меня захватила суета и я удалялся от Тебя, Господи, во внешнее? Мне приводили в пример людей, боящихся упреков в варваризмах и солецизмах даже тогда, когда они говорили о своих добрых поступках; они гордились не самими делами, а похвалами за рассказ, если он был составлен в правильных, хорошо согласованных и красивых словах. Ты видел это, Господи, но молчал, «долготерпеливый и многомилостивый» (Пс. СИ, 8). Всегда ли будешь молчать? И сейчас ты

вызволяешь из этой бездонной пропасти душу, взыскующую Тебя, ибо «сердце мое говорит от Тебя: «ищите лица Моего»; и я буду искать лица Твоего, Господи» (Пс. XXVI, 8). Сколь далек был от лица Твоего я, омраченный похотью сердца моего. Ведь уходят от Тебя и возвращаются не перебирая ногами в пространстве. Разве Твой младший сын искал лошадь или корабль? Улетел ли он на неведомых крыльях, или ушел пешком в дальние страны, чтобы там растратить состояние, которое Ты дал ему перед уходом? А ведь Ты дал его, любящий Отче, и дал еще, когда тот вернулся к Тебе нищим. Он жил беспутно, во мраке страстей, а это и значит — быть далеко от лица Твоего.

Взгляни, Господи, взгляни долготерпиво, как тщательно выполняют сыны человеческие правила составления букв и слогов, полученные ими от прежних мастеров красноречия, и сколь небрежны они в соблюдении полученных от Тебя не преложных правил вечного спасения! Ведь если человек, обучающий ораторскому искусству, произнесет слово *homo* без придыхания в первом слогe, то люди возмутятся больше, чем в том случае, если он, вопреки заповедям Твоим, возненавидит другого человека. Неужто же какой-либо враг может быть опаснее, чем сама ненависть к этому врагу? Губит ли преследование другого больше, чем губит собственное сердце

ненависть к нему? И неужели знание грамматики глубже запечатлевается в сердце, нежели сознание того, что ты желаешь ближнему нечто такое, чего себе не пожелал бы вовек? О, как далек Ты в Своих безмолвных высотах. Боже, посылающий по законам Своим карающую слепоту на недозволенные страсти! Когда человек, стремясь заслужить славу великого оратора, окруженный толпою людей с неистовою злобой преследует своего врага, он не побоится потребовать убрать его из общества людей, но при этом будет всячески остерегаться сказать «общества людей».

## ГЛАВА XIX

Вот к какой жизни готовился я, несчастный, вот на каком ристалище упражнялся. Мне страшнее было допустить варваризм, чем зависть к тем, кто сказал лучше меня. Говорю Тебе, Господи, и исповедуюсь в том, за что хвалили меня тогда те, чье одобрение во многом определяло в то время терпимость моего существования. Я не видел той пучины мерзостей, в которой был «отвержен я от очей Твоих» (Пс. XXX, 2 3). Но я был еще хуже, ибо вызывал неудовольствие даже и у тех людей: я без конца обманывал и воспитателей, и учителей, и родителей моих, ибо предпочитал всему забавы, кривляния и пустые зрелища. Я воровал со стола и

из кладовой, и не только из-за обжорства, но и чтобы купить себе новые игрушки. И в игре не раз я обманным путем добивался победы, сам побежденный при этом пустою жаждою превосходства. А ведь когда я замечал нечто подобное за другими, то как ненавидел это, как преследовал подобные поступки! Но если сам попадался, то упорствовал и все отрицал.

Это ли невинность детская? Нет, Господи, нет; молю Тебя, Боже мой! Ведь так всегда: вначале от воспитателей и учителей — орехи, мячики и воробыл, затем от перфектов и царей — золото, поместья и рабы, а вместо линеек и розг — тюрьмы и кандалы. Итак, Царь наш, ты лишь одобрил смирение, когда сказал о ребенке: «Таковых есть Царство Небесное» (Мф. XIX, 14).

## ГЛАВА XX

И все же, Господи, благодарю Тебя, всевышнего и всеблагого Творца и Правителя мироздания, и благодарил бы даже в том случае, если бы благоугодно было Тебе, чтобы жил я не долее детства. Ибо я и тогда существовал, жил и сознавал свое бытие, заботясь о своем самосохранении, как бы об образе Того Единого, от которого я произошел, сберегая по сокровенному влечению целостность чувств моих даже в малом и

улаждаюсь истиной в самых ничтожных вещах. Я не хотел обманываться и обманывать, обладал хорошей памятью и речью, радовался дружбе, избегал уныния, неприязни и невежества. Разве не удивительно и не заслуживает одобрения такое живое и одушевленное существо? А ведь все это — дары Господа моего, все это — добро и все это — я. Итак, благ Тот, Кто создал меня, и сам Он — благо мое, и я не устану благодарить Его за все те блага, которыми пользовался, будучи еще мальчиком. Грешил же я потому, что не в Нем самом, а в себе и других тварях Его искал наслаждений, всего высокого и изящного, всего истинного. И это вело меня к страданиям и томлениям, смятению и замешательству, заблуждениям и ошибкам.

Благодарю Тебя, радость моя, слава моя и упование мое, Боже мой; еще и еще благодарю Тебя за дары Твой; да сберегутся они; так соблюдешь Ты меня, и то, что даровано Тобою, я сохраню и умножу, и сам я пребуду с Тобою, ибо и бытие мое — от Тебя.

## **Книга вторая**

### **ГЛАВА I**

Я хочу вспомнить сейчас все прошлые

грехопадения мои и похотствования души не затем, чтобы любоваться ими, но чтобы еще сильнее возлюбить Тебя, Боже. Вспоминая о путях нечестия своего и горестно размышляя над ними, я стремлюсь лишь к одному: чтобы Ты стал единственной любовью моею, любовью истинной, неисчерпаемой и неизменной; хочу, чтобы Ты собрал меня, рассеянного и раздробленного в своем удалении от Тебя, воедино. Ибо было в юности моей время, когда сгорал я в адском пламени плотских похотей и погрязал в тине любовных походов; и иссохло лицо мое, и стал я мерзок пред очами Твоими, любясь собою и стараясь нравиться любившим меня.

## ГЛАВА II

В чем искал я наслаждений, как не во взаимности любви, в том, чтобы любить и быть любимым? Но душе в этом ее устремлении недоставало меры, и я не хотел довольствоваться доброй дружбой; напротив, поднималась во мне буря нечистых страстей и омрачала сердце мое, так что я не мог уже отличить светлой чистоты любви от мрачной грязи похоти. То и другое смешалось во мне и увлекло слабый возраст в стремнину страстей и бездну пороков. Возобладал надо мною гнев Твой, Господи, но я не заметил и не понял этого. Я



был как бы оглушен звоном цепей брэнности моей — наказанием за мою гордыню. Так я все дальше удалялся от Тебя, и Ты не препятствовал мне. Я не стеснялся превозноситься самыми постыдными делами, на которые я был тогда охоч, почитая их чуть ли подвигами и стараясь превзойти других позорным удальством, поскольку только этим и восхищались в кругу своевольных юнцов; а Ты все молчал! О, глупые восторги! о, бессмысленные наслаждения! Но Ты терпел и это, видя мое падение, мою нелепую гордость отверженностью и бессилием своим.

Где мне было искать того, кто принял бы во мне участие и вызволил из этой беды, кто обратил бы преходящие удовольствия мои мне же во благо, положив предел их обольстительной силе? И вправду, лучше уж бурным волнам юности моей было разбиться о берег супружеской жизни, когда все свелось бы к рождению детей по закону Твоему, Господи, по которому Ты через нас творишь и образуешь преходящие поколения смертных, очищая им путь от терний и волчцов, коих нет в вертограде Твоем. Ибо всемогущество Твое всегда рядом с нами, хотя бы мы и удалились от Тебя. О, если бы я внял гласу грома Твоего: «Таковые (т. е. вступающие в брак) будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль», и еще; «Хорошо человеку не касаться женщины», а также: «Неженатый

заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене» (I Кор. VII, 28; 1; 32). Если бы вслушался я в эти слова, став скопцом для царства небесного, с каким бы восторгом ожидал я объятий Твоих!

Но я, несчастный, сгорал в огне страстей вдали от Тебя; попрал я Твои законы и не избежал за то правосудных наказаний Твоих; да и кто из смертных избежал? Ибо Ты всегда сопровождаешь нас и милосердием, и строгостью, и все преступные удовольствия отравляешь горечью и досадой, понуждая искать удовольствий чистых и безупречных. А где найти такие, как не в Тебе, Господи, Который «умерщвляет и оживляет, поражает и исцеляет» (Втор. XXXII, 39), дабы не умерли мы без Тебя?

Где же был я, как долго скитался вдали от истинного утешения — дома Твоего? Мне было шестнадцать лет, когда покорило плоть мою сумасбродство и бешенство похоти, извиняемое человеческим бесстыдством, но воспрещаемое законом Твоим. Домашние мои не позаботились уберечь меня женитьбой; их волновало только одно: чтобы я преуспел в красноречии и стал известным оратором.

### ГЛАВА III

Впрочем, в том году мои занятия были прерваны, и я был отозван из Мадавры<sup>б</sup>, соседнего городка, где изучал словесность и ораторское искусство. Копились деньги для отправки меня в Карфаген, ибо отец мой, человек небогатый, был крайне честолюбив. Но кому я говорю все это? Конечно, не Тебе, Боже, но пред Тобою — всему роду человеческому, всем тем немногим, кому доведется прочесть эти строки, дабы и они поразмыслили, из какой «глубины взываю к Тебе, Господи» (Пс. СХХІХ, 1) и как склонен Ты внимать душе, исповедую ей Тебя и исповедующейся Тебе.

Как все тогда хвалили моего отца, не жалеющего последних средств ради обучения сына и посылающего его в столь дорогую и дальнюю поездку, в то время как многие куда более зажиточные сограждане ни о чем подобном и не помышляли! Но тот же отец не обращал ни малейшего внимания на то, каким я расту, сколь чист я пред очами Твоими, как преуспел в духовной жизни; он желал одного: чтобы я был красноречив, хотя бы для этого мне пришлось вовсе оставить Тебя, вернее, я был бы оставлен попечением Твоим, Господи, единый и истинный хозяин нивы Твоей —

---

<sup>б</sup> Город в Нумидии, расположенный неподалеку от Тагасты, родного города Августина.

души моей.

Итак, мне шел шестнадцатый год, и я, забросив на время занятия, жил в родительском доме в совершенной праздности; тут-то терния похотей буйно разрослись в голове моей, и не было рядом никого, кто выкорчевал бы их милосердной рукою. Более того, отец мой, увидев в общественных банях, что я достиг уже возмужалости, обрадовался и тут же сообщил об этом матери, будто бы мечтая уже о будущих внуках, радуясь тому опьянению, в котором мир забывает Творца своего, предпочитая Творцу сотворенную Им тварь и оставляя духовное наставление святых заповедей Божиих ради пучины плотских похотей. Но Ты уже положил в сердце матери моей основание храма Твоего и начало святого жилища Твоего. Я был тогда еще только оглашенным, а потому мать, объятая благоговейным трепетом, зная, что я еще не был в числе верующих, боялась за меня, чтобы я не пошел по кривым путям, по которым ходят отвратившиеся от Тебя.

Увы мне! Как посмел я говорить, что Ты, Господи, безмолвствовал, когда я удалялся от Тебя? Неужто же это было безмолвием, когда Ты говорил со мною через верную рабу Твою, мою мать? Но и этот голос не проникал в сердце мое, и я не внимал

ему. Мать заботливо внушала мне, когда мы оставались наедине, чтобы я остерегался прелюбодеяний, в особенности же с замужними женщинами. Но эти материнские советы казались мне чем-то слишком женским, и я стеснялся прислушиваться к ним. Между тем, то был голос Твой, но я не замечал этого и не мог понять. Я думал, что она говорит от себя, и в лице рабы Твоей ее сын унижал Тебя. С безумным ослеплением хватался я за все дурное, стыдясь, что среди сверстников моих было немало более порочных, чем я. Странное это было общество: здесь гордились пороками и стыдились добродетелей, и я пускался во все тяжкие не столько из пристрастия к дурному, сколько ради победы в состязании по удалству. Что может быть постыднее порока? А я стремился стать порочнее, чтобы избежать стыда! А если мне не удавалось перещеголять их на деле, то я измышлял всевозможные байки, лишь бы показаться лучшим, чем другие.

Вот с какими товарищами блуждал я улицами вавилонскими и валялся в нечистотах, как в ваннах из душистых и благовонных трав. И в самой сердцевине этого болота поджидал меня враг, завлекая все новыми и новыми забавами. И мать моя по плоти, которая бежала «из среды Вавилона» (Иер. LI, 6), обходя окраины его, хотя и уговаривала меня хранить целомудрие, но, с другой стороны,

старалась устроить мою судьбу согласно с желаниями своего мужа, который считал вредными для моего будущего узы брака, которые могли бы обуздать порывы страстей моих, хотя и не устранить их вовсе. Она боялась, что подаваемые мною надежды могли быть скованы ранней женитьбой; не те надежды, которые она возлагала на Тебя в будущем веке, а надежды на мою карьеру в веке сем, о которой мечтали и отец и мать; отец, который о Тебе и не помышлял, а обо мне помышлял только суетное; мать же полагала, что светское образование не только не будет препятствием на пути к Тебе, но, напротив, весьма в этом поможет. Так, насколько я помню, рассуждали мои родители. Мне предоставили излишне большую свободу, и я без удержу предался различным страстям, застившим своею мглою свет Твоих истин; тогда выступило наружу все беззаконие мое и выросла, как на тучной ниве, неправда моя.

## ГЛАВА IV

Закон Твой, Господи, закон, начертанный в наших сердцах, а равно и законы мирские преследуют и карают за воровство. И какой вор стал бы терпеть рядом с собою другого вора? Даже богач ненавидит вора, доведенного до этого

нищетою. Я же воровал не от бедности и нужды, а из любви к неправде. Я украл то, что было у меня в изобилии; мною руководила не жажда обладать похищенным, а наслаждение от самого воровства и греха.

Неподалеку от нашего виноградника росла груша, вся покрытая плодами, вполне, впрочем, обычными и по виду, и по вкусу. Итак, мы, испорченные юнцы, отправились в глухую полночь (вот до какого часа продолжались наши уличные забавы!) отрясти ее и собрать свою добычу. Мы унесли оттуда большую ношу, но не для еды (мы готовы были выбросить все это свиньям), а ради совершения поступка, сладостного нам только потому, что он был запрещен. Так, Господи, сердце мое, над которым Ты сжалился, оказалось на краю бездны. Пусть теперь ответит оно Тебе, зачем стремилось оно ко злу безо всякой нужды и цели. Порочность моих поступков порождалась внутренней порчей; и я любил ее, любил свою погибель, свое падение и само дно любил я, падшая душа, низринутая из крепости Твоей; порок не был для меня средством, он был моей целью.

## ГЛАВА V

Есть своя прелесть в красивых телах, и в золоте, и в серебре, и во многом другом подобном.

Зрению, например, приятна гармония частей, другим чувствам приятны иные свойства. Своя красота есть и в земных почестях, и во власти, и в стремлении раба стать свободным. Но недопустимо одно: в погоне за всем этим нарушать законы Твои, Боже, и удаляться от Тебя. Много есть хорошего в этой нашей земной жизни, и лучшее из всего — дружба, связывающая милыми узами многих в одно. Но как часто, увлекшись этими низшими благами, человек покидает лучшее и наивысшее — Тебя, Господи, правду Твою и закон Твой. Сладостны эти низшие блага, но не столь сладостны, как Ты, Боже, сотворивший все; «Праведник возвеселится о Господе и будет уповать на Него» (Пс. LXIII, 11), ибо Он — высшая улада праведных сердцем.

Когда спрашивают о причине, побудившей человека совершить преступление, то, как правило, называют одну из двух; или стремление получить какое-либо из низших благ, или страх перед его потерей. Сами по себе эти блага могут быть красивы и почетны, но что они по сравнению с высшим Благом? Почему совершено убийство? Убийца влюбился в жену своей жертвы, или позарился на его имение, или же грабил его, по нужде ли, или из зависти, или тот преследовал его и хотел разорить, или нанес ему жестокою обиду. Кто поверит в убийство ради убийства? Даже если речь



идет о бессердечном безумце, находившем радость в самой жестокости, приводится своя причина: «Дабы рука и душа не становились вялыми от бездействия»<sup>7</sup>. То есть он (Катилина) множил свои преступления затем, чтобы приобретать все новые почести, богатства и власть, не бояться законов и не отвечать за предыдущие преступления. Выходит, и Катилина любил не сами свои преступления, а совершал их ради чего-то другого.

## ГЛАВА VI

Так что же меня, окаянного, влекло к тебе, постыдное воровство мое, презренный ночной проступок, совершенный мною на шестнадцатом году жизни моей? В самом воровстве, как воровстве, не было ничего привлекательного. Что же мне сказать Тебе, Господи? Что были прекрасны плоды, как прекрасно и все, созданное Тобою, ибо Ты — прекраснейший и всеблагий Господь, Творец всего, высшее и истеннейшее Благо мое? Да, они были прекрасны, но не их желала душа моя. У меня их было предостаточно, причем гораздо лучших. Я своровал лишь затем, чтобы своровать; ворованное же я выбросил, ибо истинной добычей моей была

---

<sup>7</sup> Саллюстий. Заговор Катилины, кн. XVI-ая, 3.

неправда моя. А если какой из тех плодов я и попробовал, то лишь потому, что это был десерт, обедом же было само преступление. Но что это, Господи, был за обед! Была ли в нем красота справедливости и того разумения, что находим мы в нашем уме, памяти, живости чувств? Было ли в нем что-либо от прелести звезд, моря и земли? Увы, в нем не было даже той ущербной красоты, какую можно найти в обычном прелюбодеянии.

Как хочет прикинуться гордыня высотой души, хотя один Ты превыше всех, Господи мой; как честолюбие ищет почестей и славы, хотя лишь Тебя надлежит почитать и славить вовеки; как стремится жестокость внушить всем страх, но кого же бояться, как не Тебя, истинного Бога? Что вне власти Твоей? Что и как может укрыться от суда Твоего? И влюбленный ищет взаимности, но что прекраснее Твоей любви, что спасительное Твоего милосердия, что светлее правды Твоей? Любознательность ищет познаний, но где же истинные знания, как не в Тебе? Даже невежество и глупость пытаются прикрыться именами невинности и простоты, но что проще и невиннее Тебя, Господи? Воистину, «злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя» (Пс. VII, 17). Лень представляется желанием покоя, но только у Господа мы обретаем покой. Роскошь говорит: я — полнота и достаток; но только Ты —

неиссякающая полнота и преизобильность щедрот; так что напрасно мотовство мнит себя щедростью. Скупость стремится овладеть многим, Ты же — владеешь всем. Зависть судится за превосходство, но что превосходит Тебя? Гнев жаждет мести, но Ты ли — не истинное отмщение? Страх, боясь превратностей судьбы, хочет обезопасить то, что любит, но кто отнимет у Тебя то, что любишь Ты? Люди печалются, потеряв то, чем утешалась их жадность, не желаящая терять, но Ты не теряешь ничего. Так похотствует душа, отвратившаяся от Тебя и мнящая, что вне Тебя найдет то, что можно обрести только в Тебе. Удалившиеся от Тебя восстают против Тебя, как бы ища уподобления Твоей тени. Но даже и этим они свидетельствуют, что Ты — Творец мира, и вне Тебя нет ничего.

Итак, что же влекло меня к тому воровству? В чем стремился я уподобиться тени Твоей? Было ли мне приятно обмануть закон, открыто воспротивиться которому я не смел, и вот я, жалкий раб, безнаказанно создал себе иллюзию свободы, тень и подобие всемогущества? О, похоть и тщета жизни, о, бездонный колодец смерти! Как манит то, что запрещено, только потому, что запрещено!

## ГЛАВА VII

«Что воздам Господу» (Пс. СХV, 3) за то, что

душа моя не приходит в ужас и трепет при воспоминании обо всем этом? Возлюблю Тебя, Господи, возблагодарю, исповедую имя Твое, ибо отпустил Ты мне столько неправды и зла. Растопил Ты, Боже милостивый, грехи мои, как лед. От скольких злодеяний ты удержал меня, бескорыстно готового на любое злодеяние! И я свидетельствую: Ты отпустил мне и те грехи, которые я соделал, и те, от коих Ты меня уберег. И кто из людей, творений немощных, может приписать самому себе целомудрие и невинность? Как обретет и сбережет он их без Твоего милосердного попечительства? И пусть избежавший того, в чем каюсь я, не смеется, читая эти строки; меня излечил тот Врач, Который предупредил его болезнь и не дал ей развиваться. Пусть же он еще в большей мере возлюбит и возблагодарит Тебя, когда увидит, от скольких напастей и грехов Ты его уберег.

## ГЛАВА VIII

Какую пользу принесли мне, достойному сожаления, те поступки, воспоминание о которых заставляет меня краснеть, в особенности же то воровство, которое привлекло меня именно как воровство? Само по себе оно было ничтожно, и тем более жалок был совершивший его. Но, насколько я помню, совершил его я не один; более того, я бы

его никогда не совершил один. Таким образом, мне было любезно сообщество тех, с кем я воровал. Значит, помимо самого воровства, я любил и нечто другое, но и оно было ничтожно. Так что же это было? Кто научит меня, кто ответит, кроме Того, Кто просвещает сердце мое и рассеивает его тени? Разве не ясно: если бы мне были желанны похищенные плоды, то зачем мне нужны были соучастники? Но нет, не в плодах заключалась для меня сладость содеянного, а в самом преступлении, совершенном сообществом грешников.

## ГЛАВА IX

Что же это было за состояние души? Оно было гнусно и вело к гибели, но что оно было такое? «Кто усмотрит погрешности свои?» (Пс. XVIII, 13). Как потешались мы, обманывая тех, кто никогда бы не заподозрил нас в содеянном! Не потому ли я так радовался сообществу, что человеку несвойственно смеяться одному? Иногда, конечно, смеются и в одиночестве, вспоминая что-то очень смешное, но что здесь было такого забавного, чтобы смеяться одному? Вот, Господи, пред очами Твоими живо вспоминаю и тогдашнее состояние свое. Один бы я не стал воровать, не имея нужды в украденном, одному бы мне не понравилось воровство. О, злая дружба; о,

извращенность ума, находящего смех и забаву во  
вреде, приносимом другим. Убыток другому без  
выгоды для себя, просто так, просто потому, что  
кто-то сказал: «Пойдем, сделаем это»; и вот, уже  
совестно не быть бесстыжим.

## **ГЛАВА X**

Кто поймет все это, кто постигнет тайные  
тропы души? Они внушают отвращение: я не хочу  
более вспоминать о них, не хочу их видеть. Я  
жажду только Тебя, высшая справедливость и  
чистейшая невинность, хочу наслаждаться ясным  
светом Твоим, хочу насыщаться Тобою, Которым  
не пресыщаются. У Тебя — покой и жизнь  
блаженная. Кто входит в дом Твой, тот входит «в  
радость господина» своего (Мф. XXV, 21), чтобы  
жить жизнью счастливою и благою. В юности отпал  
я от Тебя, Господи, скитался на чужбине, и сам для  
себя стал нищею своею.

## **Книга третья**

### **ГЛАВА I**

Я прибыл в Карфаген, и стали обуревать меня  
пагубные страсти преступной любви. Еще не

предавался я этой любви, но она уже укоренилась во мне. Я искал, что бы полюбить, ибо уже любил любить; прямой же и законный путь любви был мне противен. Я испытывал внутренний голод по пище духовной, по Тебе, Господи, но не этим голодом я томился. Я не стремился к нетленной пище, но не потому, что был ею насыщен: чем более я голодал, тем более и брезговал ею. Поэтому больна была душа моя: вся в струпьях, желала она чесаться о внешние и чувственные предметы, но не будь и у них души, как бы могла она их полюбить?

Любить и быть любимым — значило для меня овладеть предметом моей любви. И я мучил источник дружбы грязью похоти, туманил ее чистое зеркало адским дыханием страстей. Как я хотел, мерзкий и бесчестный в жалкой суетности своей, казаться благородным и достойным! Я жаждал весь погрузиться в любовь. Боже милосердный, сколько горечи, в безмерной благодати Твоей, добавил Ты мне в эту сладость! Я испытал и любовь, и взаимность, и прелесть наслаждения, и радостное скрепление гибельной связи, а вслед затем — и подозрения, страхи, гнев, ссоры и жгучие розги ревности.

## ГЛАВА II

Еще увлекали меня театральные зрелища,

полные картинок из моей бедственной жизни, которые разжигали пламень страстей. И вот, театр стал моим излюбленным местом. Но почему человек так желает печалиться, видя изображения горестных и трагических событий, хотя сам испытать все это отнюдь не стремится? Так или иначе, но зрителю хочется испытывать печаль, и эта печаль улаживает его. Удивительное безумие! Притом, чем скорее должен бояться человек того, что происходит на сцене, тем более он и получает удовольствия. Когда все это происходит с ним самим, это называют страданием, когда — с кем-то из близких, он им сострадает, но разве можно сострадать театральным басням? И разве призовут его здесь на помощь? Нет, его приглашают лишь печалиться, и чем более он опечален, тем благодарнее автору этого измышления; если старинные или придуманные бедствия не тревожат его, он бранит автора и актеров и, зевая, покидает театр, а если тревожат, он смотрит неотрывно, печальясь и радуясь.

Так неужто же приятны слезы и любезна печаль? Нет, люди предпочитают радоваться. Им не хочется страдать, но приятно сострадание, а поскольку нельзя сострадать без печали, то приемлется и печаль. Сострадание ведет свое начало из источника дружбы, но куда течет сам этот источник? Зачем впадает он в бурное море



темных страстей, утрачивая былую прозрачность, забывая о ней? Так что же, сострадание дурно? Да не будет! Пускай и печали будут любезны, но ты, душа моя, находясь под защитой Отца своего, Бога отцов наших, всеславного и всеблагого, берегись скверны. Я и теперь готов сострадать, но тогда, в театре, я наслаждался с влюбленными их греховной усладой, печалился с ними при их разлуке, но и в том, и в другом случае — получал удовольствие. Воистину, более достоин сожаления радующийся себе на позор, чем тот, кто решит, что терпит муку, лишившись губельного наслаждения и утратив свое жалкое счастье.

Когда сострадание истинно, печаль не приносит удовольствия. Хотя человек, опечаленный чужим горем, и заслуживает одобрения, но если он действительно милосерден, то предпочтет, чтобы этого горя не было. Трудно представить себе зложелательную благожелательность, а ведь только она могла бы породить в сострадательном желании, чтобы не иссякала причина его состраданий. Выходит, есть скорбь, заслуживающая одобрения, но нет — заслуживающей любви. Господи мой, успокоитель душ, сколь чисто сострадание Твое, сколь неизменно оно именно потому, что не может уязвить Тебя никакая печаль. Но «кто способен к сему» (II Кор. II, 1 б)?

Но в те дни я, несчастный, любил печалиться

и искал поводов для печали. Какое наслаждение приносила мне игра актера, если, изображая на сцене придуманные страдания, он вызывал у меня слезы. Так я, овца, отбившаяся от стада Твоего, опаршивел и покрылся струпьями, и эта печаль, не истинная печаль, ибо я отнюдь не хотел испытать те же невзгоды, что и герои на сцене, а вымышленная печаль о вымышленном же горе была как бы скребком, о который я с наслаждением расчесывал язвы мои. Такова была жизнь моя. Господи, но была ли это жизнь?

### ГЛАВА III

Но неизменное милосердие Твое не оставляло меня. Я предавался великим беззакониям, погряз в кощунственном любопытстве, покинул Тебя ради угождения обманчивых демонов злыми делами своими. Даже во время службы в церкви Твоей я горел похотью и улаживал свои делишки, за что и был покаран Тобою, но сколь милостиво сравнительно с прегрешением моим! О, неизменно милосердный Господь мой, прибежище мое; среди скольких опасностей скитался я вдали от Тебя. Я искал свои пути и брезговал Твоими, любил свободу — свободу беглого раба!

Привлекали меня к себе и те занятия, которые весьма почитались: так, я мечтал о форуме с его

тяжбами; там я хотел блистать и получать похвалы, тем большие, чем искуснее ложь. Такова слепота человеческая, слепота которою любят хвалиться. Я был самым искусным оратором в нашей школе, и радости и гордыне моей не было предела. Впрочем, Ты знаешь, Господи, внешне я умел быть спокойным и не вел себя так, как иные, совращавшие честных новичков, забавы ради, с прямого пути. Но я жил среди них и, бывало, стыдился, что и сам не такой. А ведь что можно представить себе более мерзкого, более дьявольского? И недаром же таких называли «совратителями»! Конечно, и их когда-то совратили и развратили лживые демоны, осмеявшие их в их же любви к коварству и лжи.

## ГЛАВА IV

Проводя жизнь подобным образом и с такими людьми, я тратил немало времени на изучение книг по красноречию, легкомысленно и предосудительно мечтая стать известным оратором. Так, следуя установленному порядку обучения, дошел я до некоего Цицерона, чей язык (но не сердце) восхищает многих. Книга его называлась «Гортензий» и говорилось в ней о прелестях философии: она полностью изменила состояние мое и молитвы мои к Тебе, Господи, мои чаяния и

надежды. Мне вдруг опротивело все, чем я занимался до сих пор; я мечтал теперь об одном: о бессмертной мудрости. Душа моя, проснувшись, стала оборачиваться к Тебе. Эта удивительная книга учила не тому, как отточить язык (за это платились сейчас, в мои девятнадцать лет, материнские деньги — отец умер двумя годами раньше); не тому, как говорить, а тому, что говорить — вот чему учил «Гортензий». То был порыв к Тебе, Господи, порыв от всего земного, хотя я еще не понимал вполне, что только у Тебя «премудрость и сила» (Иов. XII, 13). Любовь к премудрости — так переводится «философия» с греческого, и эту любовь зажгло во мне сочинение Цицерона.

Есть немало людей, вводящих в заблуждение своею философией, прикрывающих и приукрашающих этим великим и честным именем свои ошибки, и именно таких философов изобличал автор в своей книге. О таких спасительно предупреждает и Дух Твой через верного и благочестивого раба Твоего: «Смотрите, (братия), чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно» (Кол. II, 8, 9). Но тогда, Господи, свет сердца моего, я не знал еще слов апостольских; я наслаждался этой книгой, ибо

она учила меня любить не ту или иную философскую школу, но саму мудрость как таковую. Она увещала любить ее, искать и домогаться, овладеть ею и крепко-накрепко к ней прилепиться. И я воспылал этим желанием, и лишь одно остужало мой пыл: там не было имени Христова, имени Спасителя и Сына Твоего, которое я, по милосердию Твоему, Боже, впитал с молоком матери моей; оно запечатлелось в сердце моем, и любая книга, сколь хороша бы она ни была и какие бы истины ни содержала, но если не было в ней этого имени — она не завладевала моими помыслами целиком.

## ГЛАВА V

Итак, я решил внимательно изучить Священное Писание, разобраться, что и как. И я увидел нечто, гордым непонятое, непосвященным темное: дом таинственный с входом низким. Я не знал тогда, что чем дальше идешь, тем выше своды, не умел склонить голову, чтобы войти. Как найти мне слова, чтобы описать охватившее меня тогда чувство? Слова Писания показались мне слабыми и грубыми по сравнению с Цицероновским стилем. Я был слишком заносчив, чтобы оценить его простоту, слишком поверхностен, чтобы проникнуть в сердцевину. Писание требует детской

простоты души и ума взрослого, я же презрел детское и в своей спеси только мнил себя взрослым.

## ГЛАВА VI

Так попал я в общество людей горделивых, велеречивых и плотских. Речи их были — тенета дьявола, птичий клей, сваренный из слогов священных имен: Твоего, Господи, Сына Твоего Иисуса Христа и утешителя нашего — Духа Святого<sup>8</sup>. Эти имена не сходили у них с языка, но были не более, чем словесным шумом, и не было истины в их сердцах. Они только без конца повторяли: «Истина, истина», но ничего не знали о ней. Они ложно учили не только о Тебе, Который и есть Истина, но и об элементах мира, созданного Тобой. А ведь из любви к Тебе, Отец мой, непреложное Благо, я должен был бы оставить и тех философов, которые учили о мире правильно.

О, Истина, всем сердцем искал я Тебя, и они пели мне о Тебе на все лады и в пустых речах

---

<sup>8</sup> Августин пишет о своем увлечении гностической ересью — манихейством, синкретическим учением, в основе которого лежал восточный (прежде всего персидский) дуализм, с большой примесью христианской риторики, иудейского мистицизма и эллинистического платонизма.

своих, и в толстенных книгах. Мне, алчущему, они подносили на своих дымящихся блюдах солнце и луну, как будто эти прекраснейшие творения Твои могли заменить Тебя; а ведь и среди творений не им, хотя они светлы и небесны, по праву принадлежит первенство, ибо они — суть телесные твари, но — творениям духовным. Но и не их, наипервейших, искал я, а Тебя, Истину, у Которой «нет изменения и ни тени перемены» (Иак. I, 17). Но предо мною продолжали выставлять блюда, наполненные фантазмами; воистину, лучше было бы поклоняться нашему солнцу, необманно видимому телесными глазами, чем их — обману глаз души. И, однако, я ел предложенную пищу, думая, что Ты здесь, хотя и не ощущал подлинного вкуса Твоего. Ибо не было Тебя в их пустых измышлениях, и чем больше я ел, тем больше тощал. Это все больше напоминало сны о еде: во сне ведь можно есть сколько угодно, но все равно проснешься голодным. Эти призраки напоминали Тебя еще меньше, чем тени от предметов — сами предметы. И если воспоминания о вещах менее истинны, чем сами вещи, то сколь же неистинны предположения о вещах, которых нет вообще. Вот каким бреднями питался я тогда, питался, но не мог насытиться. А ведь Ты, Господи, любовь моя, крепость моя, в Котором даже немощь моя становится силой, Ты ведь — и не те тела, которые

мы видим, хотя бы они и были на небе, и даже не те, которых мы не видим, ибо Ты создал и те и другие. Насколько же далек Ты от тех призрачных тел, которых нет вообще! Ибо подлиннее их образы существующих тел, еще подлиннее — сами тела, но и они — не Ты; Ты выше даже души, оживляющей тела, а ведь она куда лучше и подлиннее тела. Ты — жизнь души, жизнь жизни, животворящая и неизменная вовеки.

Где же был Ты тогда для меня, когда я скитался вдали, когда питался пищею, которою побрезговали бы и свиньи? Ведь даже басни грамматиков и поэтов лучше, чем эти сети. Кто, в самом деле, поверит стихам о летящей Мееде, а между тем верил же я басням о пяти элементах, погруженных в пять пещер мрака, которых нет в природе, но которые способны погубить. В стихах о Мееде нет лжи, ибо кто же поверит в это? А тому я поверил. Горе мне, окаянному, сошедшему в поисках Тебя в глубины адовы; я искал Тебя, Боже, руководствуясь не разумом, коим Ты отличил меня от скотов, но телесным чувством. Ты же все время был во мне — глубже глубин моих и выше вершин. Но я соблазнен был той женщиной, безрассудной, шумливой и глупой, сидевшей у дверей дома своего на стуле и говорившей: «Воды краденые сладки, и утаенный хлеб приятен» (Притч. IX, 13–17); ибо жил я внешним, мыслил по плотски и заглатывал



все, что мне предлагалось.

## ГЛАВА VII

Я был далек от истины, полагая разумным поддакивать лжецам, коварно вопрошавшим меня о происхождении зла, о телесной форме Творца, о том, есть ли у Него волосы и ногти, праведны ли многоженцы и приносящие кровавые жертвы. Я терялся в своем невежестве, и, уходя от истины, думал, что приближаюсь к ней. Откуда мне было знать тогда, что зло — это умаление добра, доходящее порою до полного ничтожества? Что мог я узреть, телесно видевший не дальше тела, а духовно — не дальше призраков? Не знал я тогда и того, что Бог есть Дух, не имеющий членов и пространственной величины; ибо всякая величина делима, и часть ее — меньше целого, и даже если она бесконечна, то часть, ограниченная пространством, конечна. Имеющее величину не может быть целокупным и вездеприсущим, как Дух, как Бог. И что есть в нас такого, о чем в Писании сказано: «По образу Нашему, по подобию Нашему» (Быт. 1, 26) — и об этом я ничего не знал.

Мне неведома была та внутренним образом говорящая истина, которая судит не по обычаю, а по справедливейшему закону всемогущего Бога, определившего для каждого времени и для каждого

народа свои обычаи и нравы, часто весьма отличные друг от друга. По ней праведны и Авраам, и Исаак, и Иаков, и Моисей, и Давид, и веете, кого восхвалили уста Господни. Неправедными же они кажутся лишь тем строгим судьям, которые привыкли всех мерить на свой аршин, требующим от всего человечества тех же представлений о нравственности, что свойственны их стране и эпохе. Так, человек, незнакомый с доспехами древних, стал бы прилаживать шлем вместо панциря, жалуясь на неумелость древних мастеров; другой шумел бы и возмущался, что ему, по случаю праздника, запрещают торговать после обеда, хотя с утра никто не препятствовал; третий, видя, что делается в хлеву, удивлялся бы, что то же не дозволяется делать за столом. Так же нелепы и те, кто не верит, что в другие времена праведники могли поступать так, как сегодня не сделает просто порядочный человек. Одним Бог заповедал одно, другим — другое, в соответствии с условиями времени и страны, но и те и другие служили одной и той же истине. И доспехи пришлись бы тому человеку впору, знай он, как их одевать, и одним и тем же делом сейчас можно заниматься, а позже — нельзя, и многое, что дозволено в хлеву, недопустимо за столом.

Но значит ли это, что меняется сама правда? Никоим образом, но время, которым она управляет,

протекает по разному. Людям, чей век короток, трудно понять условия жизни и нравы прежних веков и других народов, согласовать их с тем, что им известно; если бы речь шла о чем-то частном, только об одном человеке или об одном дне, то тут они бы еще смогли усмотреть некоторый порядок и закономерность, но отнюдь не в целом; там бы они пришли к согласию, тут же — возмущены. Но тогда я не понимал этого, не видел очевидного. Я декламировал стихи, и мне не дозволялось произвольно менять местами стопы. Метрика, учившая стихосложению, содержала все свои правила одновременно и не была в одном случае одной, а в другом — другой. А я не мог понять, что добрые и святые патриархи служили правде, возвышеннейшим образом включавшей в себя одновременно все заповеди; она не изменялась, хотя и заповедала разным временам не все заповеди, а лишь те, что соответствовали им. И я, слепец, осуждал святых патриархов, которые по внушению Божию чтили законы своего времени, возвещая, по откровению Божию, грядущее.

## ГЛАВА VIII

И неужто же когда-нибудь и где-нибудь было несправедливо «возлюбить Господа Бога всем сердцем, и всюю душою, и всем разумением», или

«возлюбить ближнего своего, как самого себя» (Мф. XXII, 37,39)? И противоестественные грехи, содомский, например, разве не везде и всегда вызывали отвращение? Любой народ, погрязший в подобном, по божественному закону не избежал бы осуждения, ибо Бог создал людей не для такого общения друг с другом; здесь сама природа, сотворенная Богом, оскверняется извращенной похотью. Нарушений принятых норм нравственности следует избегать как у себя, так и в чужой стороне, стараясь во всем следовать законам и обычаям государства или народа. Но если Господь повелит сделать что-либо вопреки чьим бы то ни было нравам и установлениям, это надлежит неукоснительно исполнить. Если эту заповедь забыли, ее следует напомнить, если она не установлена — установить. В самом деле, если и царские приказы, сколь бы необычными они ни были, полагается выполнять, а невыполнение их считается поступком противообщественным, то тем более без тени сомнений нужно исполнять веления Господни, ибо Он — Царь всего, что Им сотворено.

Еще более следует избегать преступлений, когда жаждут нанести человеку вред, обидеть его или учинить несправедливость: враг мстит врагу; разбойник грабит прохожего, желая поживиться за его счет; того, кто кажется опасным, убивают, желая отвести беду; бедняк убивает богача из

зависти; богатый — соперника из страха, что тот сравняется с ним, или от огорчения, что уже сравнялся; а сколько зла творится только потому, что многим приятна чужая беда — гладиаторские бои, чем не пример? Эти побеги греха пышно разрастаются там, где царит жажда первенства, обладания и телесных наслаждений. Так жизнь проходит во зле, в полном пренебрежении десятью заповедями Твоими. Но что это все для Тебя, Которого не может коснуться ни один грех? Ты караешь людей за то зло, которое они причиняют самим себе: даже греша пред Тобою, они глумятся над своею душой, портя и извращая ее природу. Злоупотребляя дозволенным или желая недозволенного, клеветая на Тебя в мыслях и словах, они идут против рожна (Деян. IX, 5); порвав с человеческим сообществом, они замыкаются в сектах и толках, радуются разрыву с людьми, но вместо ожидаемой свободы попадают в зависимость от своих привязанностей и своей неприязни.

Так всегда происходит, когда покидают Тебя, источник жизни, единый и истинный Творец и Правитель единого целого, и в неумемной гордыне прилепляются к одной какой-либо части, к мнимому единству. И возвратиться к Тебе можно только одним путем — путем смиренного благочестия. И Ты очистишь нас от налипшего зла,

снизойдя к грехам исповедающихся Тебе; разрешишь от цепей, которыми мы сами себя сковали; скажешь безумствующим: «не безумствуйте», и нечестивым: «не поднимайте рога, не поднимайте высоко рога вашего, не говорите жестоковейно» (Пс. LXXIV, 5, 6), жадно мечтая о чужом и рискуя потерять свое, любя частное благо больше, чем Тебя, Благо всего.

## ГЛАВА IX

Но среди всех этих преступлений, проступков и незаконий есть и грехи преуспевающих в добре. Такие заслуживают и порицания, как незаконные, и некоторого одобрения, ибо обещают нечто лучшее в грядущем. Есть и такие поступки, которые напоминают грех, но таковым не являются, ибо не оскорбляют ни Тебя, ни людей. Да и нелегко сразу понять, стремится ли, например, кто-либо к приобретению иных вещей, сообразных и времени, и образу его жизни, потому, что они ему нужны, или же им движет страсть к приобретению? Далее, судья, строго, но справедливо осуждающий виновного: делает ли он это ради его исправления, или просто наслаждается властью и тешит свою жестокость? Есть также немало и таких дел, которые люди осуждают, но которые одобрены свидетельством Твоим; и наоборот: которые люди

хвалят, а Ты — осуждаешь. Разными бывают и видимость поступка, и намерение совершившего, и тайное стечение обстоятельств. И когда Ты вдруг заповедуешь что-либо непривычное и неожиданное, что-то такое, что ранее Тобой осуждалось, и не являешь при этом причину такого повеления, то кто усомнится, что если даже оно и противоречит обычаям времени и места, его надлежит немедленно исполнить, ибо праведен только тот, кто служит Тебе. Блаженны те, которые знают, что от Тебя и Тебе. Ибо все делается служителями Твоими, дабы явить, что должно делать сейчас, и что надлежит в будущем.

## ГЛАВА X

Не понимая этого, я, безумный, потешался над святыми служителями и пророками Твоими. И чем закончился этот смех? Тем, что Ты посмеялся надо мной! Исполдволь меня подвели к самым абсурдным представлениям, например, что винная ягода и ветка, с которой ее срывают, плачут слезами, «похожими на молоко». Если «святой» съест ее (а сорвать ее для него должны были непременно другие, ибо зачем же ему было грешить!), то, помолясь, повздыхав и рыгнув, он выдохнет из нее частичку Божества; эти частички так бы и остались заключенными в ягоде, если бы «святые

избранники» не освободили их зубами и кишками! И я, достойный сожаления, верил этому, верил, что нужно более сострадать земным плодам, чем людям, для которых они растут. Выходило так, что любой не манихей за каждый съеденный кусок заслуживал чуть ли не смертной казни!

## ГЛАВА XI

Но Ты простер «с высоты руку Твою» и избавил меня, и спас меня «от вод многих» (Пс. СХLIII, 7), когда мать моя, смиренная раба Твоя, оплакивала меня пред Тобою больше, чем иные матери оплакивают умерших детей. Она видела мою смерть верою своей, дарованной Тобою, и Ты услышал ее плач, Господи. Ты услышал ее и не презрел слез ее. Ты ниспослал ей сон, успокоивший ее, и она согласилась остаться жить со мною в одном доме, сидеть за одним столом. Ей приснилось, что стоит она на какой-то доске, и к ней, улыбаясь, подходит юноша; она же — сокрушена печалью. Он спрашивает ее, в чем причина ее слез, но видно, что он знает ответ. Она говорит, что скорбит о гибели моей, но юноша отвечает: «Не печалься, взгляни: вот, он рядом с тобою». Она посмотрела и видит: я стою рядом, на той же доске. Откуда этот сон? Не значит ли он, что Ты преклонил слух Твой к сердцу ее? О, всеблагий



и всемогущий! Ты печешься о каждом из нас так, будто он — единственное творение Твое, и обо всех — как о каждом! И когда я услышал об этом сне и попытался истолковать его так, что мать моя будет там же, где и я, она твердо ответила: «Нет, мне ведь было сказано не «где он, там и ты», но «где ты, там и он».

Исповедуюсь Тебе, Господи: насколько могу я припомнить этот сон, таков был ответ Твой через мою верную и заботливую мать; ее насколько не смутило мое лживое, хотя внешне и правдоподобное объяснение, но она сразу же прозрела истину, скрытую тогда от меня, и это потрясло меня больше, чем сам сон, в котором благочестивой рабе Твоей была предсказана будущая ее радость и утешение нынешней скорби. Но еще десять долгих лет предстояло мне валяться в этой грязи и мраке заблуждений, еще десять лет продолжала эта чистая вдова, тихая и скромная, какие угодны Тебе, Боже, ободренная надеждой, плакать в часы горестных молитв, взывая: «Да внидет пред лице Твое молитва моя; приклони ухо Твое к молению моему» (Пс. LXXXVII, 3); меня же все кружило в этой непроглядной мгле.

## ГЛАВА XII

В то время Ты дал мне и другой ответ,

который я запомнил. Я многое упускаю, ибо тороплюсь перейти к тому, в чем должен я исповедаться пред Тобою, а многого и не упомяну. Другой ответ ты дал через священнослужителя Твоего, епископа, вскормленного Церковью и весьма начитанного. Когда мать просила его удостоить меня беседы, дабы опровергнуть мои заблуждения и отвратить от зла (как делал он с теми, кого почитал достойными), он отказался, что, как я понимаю теперь, было разумно. Он сказал, что так как ересью я заболел недавно, то буду гордиться ею и упрячиться, смущая своими вопросами неопытных людей. «Оставь его там, — сказал он, — и молись за него Богу. Со временем он сам поймет, какое это заблуждение и какое великое нечестие». Он также рассказал, как его собственную мать соблазнили манихеи и она отдала его им еще ребенком; как он не только изучил все их книги, но и многие переписал; как открылось ему безо всяких обсуждений, что надо бежать от этих людей, и он бежал. Когда он поведал все это, мать, однако, не успокоилась, но продолжала настаивать, обливаясь слезами. Тогда он с некоторой досадой сказал: «Ступай. Как истинно то, что ты живешь, также истинно и то, что сын таких слез не погибнет». Впоследствии мать не раз говорила, что ей почудилось тогда, будто эти слова прозвучали с неба.

# Книга четвертая

## ГЛАВА I

В течение этих девяти лет, от девятнадцатого по двадцать восьмой год жизни моей, я обольщался сам и обольщал других, обманывался и обманывал, иногда — явно, обучая свободным наукам, а иногда — тайно, исповедуя обманную религию. В первом была гордыня, во втором — суеверие, ной там и там — пустота. Там я гнался за пустою славой, за рукоплесканиями толпы во время стихотворных состязаний за травяные венки, там увлекался бессмысленными зрелищами и безудержным разгулом; тут же, стремясь очиститься от всей этой грязи, подносил фальшивым избранным и святым еду, дабы те творили из нее в собственной утробе ангелов и богов для нашего освобождения. Я истово следовал всему этому, склоняя к тому же и обольщая через себя своих же друзей. Пусть смеются надо мною гордецы, счастливо устоявшие и не отпадавшие от Тебя, я же не перестану исповедать Тебе позор мой для вящей славы Твоей. Молю Тебя, позволь мне вспомнить теперь все прежние грехи мои и принести Тебе в жертву хвалу (Пс. XIX, 14). Что я сам по себе без Тебя? Путник,

идуший дорогой погибели. С Тобою же я дитя, кормящееся Твоим молоком, вкушающее нетленную пищу. Да и любой сам по себе — кто он и что? Пусть же потешаются надо мною сильные и могучие, мы же, слабые и немощные, будем исповедоваться пред Тобою.

## ГЛАВА II

В эти годы я уже начал сам преподавать риторику, торгуя искусством победоносной болтливости. Ты знаешь, Господи, я стремился иметь хороших учеников и бесхитростно учил их словесным хитросплетениям; не затем, чтобы они вредили невинным, но чтобы порой вызволяли и виновного. Ты видел. Господи, из своего прекрасного далека, как изнемогала добродетель моя на скользком пути порока, как задыхалась в чадном дыму суетствования и лжи.

В то время я незаконно сожителемствовал с одной (женщиной); нас скрепляла пылкая и безрассудная страсть, и я был верен ее ложу. Здесь на собственном опыте я смог убедиться, сколь велика разница между законным супружеством, чья цель — деторождение, и союзом чувственной любви, в котором если и рождаются дети, то это поначалу не радует, хотя сама природа впоследствии заставляет родивших любить свои

чада.

Припоминаю еще одно: мне как-то пришлось выступать на сцене на состязаниях поэтов. И вот, пришел ко мне прорицатель-гаруспик, обещая за немалое вознаграждение обеспечить победу. Но я отверг его гнусное искусство, сказав, что и ради золотого венца бессмертия не позволил бы убить даже мухи (дело в том, что этот гаруспик, умерщвляя животных, добивался расположения каких-то демонов). Но и эту мерзость, Господи, Боже сердца моего, отверг я не из любви к Тебе, ибо тогда еще не умел любить Тебя: меня влекло к себе и понуждало любить чувственное и плотское. А преданная плотскому душа — разве не грешит она вдали от Тебя, вверяясь обманам и «гоняясь за ветрами» (Ос. XII, 1)? Я не желал, чтобы за меня приносили жертвы демонам, хотя сам приносил им жертвы своим суеверием. А ведь «погоня за ветрами» — это и есть погоня за этими падшими духами, когда пребывающий в пагубных заблуждениях служит для них предметом забавы и осмеяния.

### ГЛАВА III

Я вел предосудительные беседы с обманщиками-астрологами, которых еще называют математиками; они не вызывали духов и не

приносили им жертвы, но христианская религия отвергает и осуждает и их. Истинное благо — исповедоваться Тебе, Господи, и взывать: «Помилуй меня, исцели душу мою; ибо согрешил я пред Тобою» (Пс. XL, 5). Благо — не употреблять во зло милосердие Твое, умножая грехи, но всегда помнить слова Господни: «Вот, ты выздоровел; не грехи больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже» (Иоан. V, 14). И против этого-то спасительного наставления восстают вышеозначенные лжеучителя, говоря: «Так предначертало само небо, что ты должен грешить. Ведь так же поступают и Венера, и Сатурн, и Марс». Попросту говоря, это означает, что человек, — плоть и кровь, тление и прах, — невиновен ни в чем, но вся вина — на Творце, Распорядителе неба и звезд! А кто же этот Творец, как не Ты, Господи наш, высочайшая истина и любовь, Который «воздаст каждому по делам его» (Мф. XVI, 2 7) и «сердца сокрушенного и смиренного не презришь» (Пс. L, 19). Жил в то время один опытный и известный врач<sup>9</sup>, человек весьма проницательный, который, будучи

---

<sup>9</sup> Речь идет о Виндициане, знаменитом в то время карфагенском враче. Подробнее о нем — в книге седьмой, гл. VI.

консулом, собственноручно увенчал мою голову венком за победу в состязании (тут, впрочем, он поступил не как врач). Болезнь, от которой я тогда страдал, мог исцелить только Ты, Целитель душ и тел, Который «гордым противится, а смиренным дает благодать» (I Пет. V, 5). И не Ты ли привел ко мне этого старца, не Ты ли через него исцелил душу мою? Так, я стал другом его и собеседником (беседы же наши были не только просты и приятны, но и значительны и важны), и он, услышав в разговоре, что я увлекаюсь учением астрологов, стал искренне и с отеческою заботой убеждать меня, чтобы я оставил эти басни и не тратил попусту время на занятия, суетность которых он познал на собственном опыте; он советовал употреблять дар Божий на занятия полезные и необходимые. Он поведал, как в юности изучал астрологию, намереваясь одно время даже сделать ее своей профессией, ибо, как справедливо рассудил, если он понял Гиппократу, то еще скорее поймет и это. Однако, затем он оставил астрологию и обратился к медицине, поскольку, будучи человеком честным, не захотел жить за счет введенных им в заблуждение. «Ты же, — говорил он мне, — преподаешь красноречие, чем и зарабатываешь на жизнь, а этими пустяками занимаешься забавы ради, а не по нужде; так поверь же мне, тому, кто изучал астрологию с тем, чтобы

ею добывать себе средства к существованию». Когда же я спросил его, почему предсказания астрологов так часто сбываются, он ответил, что в том следует видеть игру случая и перст судьбы. Ведь бывает же и так, что кто-либо, гадающий по книге поэта, случайно выбирает стих, изумительно соответствующий его делу; не значит ли это, что человеческая душа по какому-то наитию свыше, бессознательно и произвольно изрекает нечто, сходное с обстоятельствами вопрошающего?

Это событие, это близкое знакомство с опытным и престарелым врачом — разве не было свидетельством Твоей заботы обо мне? В памяти моей Ты обозначил тогда то, к чему впоследствии я пришел сам. Но тогда ни этот врач, ни дорогой мне Небридий, человек молодой, но честный и благоразумный, высмеивавший предсказания астрологов, не смогли убедить меня оставить эту пустую науку; я искал, но не мог найти доказательств того, что сбывающиеся предсказания астрологов сделаны ими случайно и не являются результатом разумных наблюдений за движениями звезд.

## ГЛАВА IV

В эти годы, когда я, вернувшись в родной город, начал преподавать грамматику, у меня



появился друг, мой сверстник, вместе с которым мы когда-то росли и ходили в школу. Впрочем, истинной дружбой эта дружба не была, ибо таковою она становится только тогда, когда прилепляются к Тебе, дабы «любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим. V, 5). Но он был дорог мне, ибо мы были с ним схожи и темпераментом, и образом мыслей. И этого-то юношу, еще не твердого в своей вере, я отвратил от истинной религии и увлек суеверными и гибельными баснями, из-за которых оплакивала меня мать моя. И вот Ты, преследующий бегущих от Тебя, Бог отмщения и источник милосердия, обращающий нас к Себе непостижимыми для нас путями, Ты взял его из этой жизни, когда столь милой дружбе нашей не исполнилось и года.

«Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его» (Пс. CV, 2), даже только за благодеяния ему одному? Что Ты сделал тогда со мною, сколь неисследима бездна судеб Твоих? Друг мой, заболев лихорадкой, долго бредил в предсмертном поту; и когда близкие его уже отчаялись в выздоровлении, они окрестили его. Я же нисколько не заботился об этом, будучи уверен, что душа его держится силой моих внушений, оставаясь чуждою тому, что сотворяют над его бесчувственным телом. Между тем случилось так,

что друг мой пришел в себя, стал поправляться и, наконец, выздоровел совсем. Сразу же после этого я поговорил с ним (что было нетрудно, ибо я почти не отходил от него — настолько мы были неразлучны), думая, что он посмеется над случившимся, т. е. над крещением, которое он принимал в полном беспамятстве, вместе со мною. Но к моему удивлению он отнесся к моим словам крайне враждебно и просил прекратить этот разговор. Пораженный этим и весьма сконфуженный, я отложил свои рассуждения до лучших времен, когда он совершенно оправится от своей болезни. Но он был восхищен Тобою от безумия моего, чтобы спастись у Тебя к моему утешению: через несколько дней в мое отсутствие у него возобновилась лихорадка, и он умер.

Этот удар сокрушил сердце мое; везде чудилась мне смерть. Отчизна представлялась мне кладбищем, родной дом — могилой. Все, что напоминало мне о моем несчастном друге, невыразимо мучило меня. Везде искал я его, и не находил, и все вокруг стало мне ненавистным, ибо никто не мог мне сказать: «Подожди, он скоро придет», как это бывало прежде во время его отсутствия. Я вопрошал душу мою: «Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься?», и не знала она, что ответить, хотя я и говорил ей: «Уповай на Бога» (Пс. XVI, 5). Но она не слушалась меня, ибо друг,

которого она любила и потеряла, был реальнее тех призраков, уповать на коих я ей велел. Лишь слезы могли утешить меня, они одни стали отрадой души моей.

## ГЛАВА V

Теперь, Господи, все это уже позади; время залечило рану мою. Позволь же приблизить слух сердца моего к устам Твоим и услышать от Тебя, непреложной Истины, почему слезы столь сладостны несчастным? Или Ты, вездесущий, сторонись наших бед? Ты пребываешь в Себе, нас же кружит вихрь испытаний. Но, однако же, стенания наши достигают слуха Твоего. Так почему посева горестей наших дают сладкие всходы, почему находим мы отраду в стенаниях и плаче, вздохах и сетованиях скорби? Возможно, потому, что надеемся при этом быть услышанными Тобою? Но для этого существуют молитвы, в которых ясно выражается это желание. Нет, не затем я плакал об умершем друге, и не надеялся я, что он оживет: я просто скорбел и плакал. Меня постигло несчастье, и оставила меня радость моя. И слезы мои были горьки, и радовали лишь потому, что опротивело все. что прежде было источником наслаждений.

## ГЛАВА VI

Зачем говорю я об этом? Сейчас ведь время не сетований и жалоб, а исповеди перед Тобою. Я был несчастен, как несчастна всякая душа, прикованная страстью к смертным предметам; она терзается, когда их теряет, чувствуя, сколь была бедна, когда обладала ими. В таком состоянии пребывал я тогда, и горько плакал, в самой горечи находя успокоение. Я был несчастен, но несчастная жизнь моя была мне все же дороже моего дорогого друга. Я готов был изменить ее, если бы это могло вернуть мне друга, но не готов был расстаться с нею ради него. Я не уверен, что готов был бы поступить так, как, говорят, поступили Орест и Пилад (если это только не выдумка), которые предпочли умереть вместе, лишь бы только не жить один без другого. Я же переживал нечто иное: как ни тяжела была мне жизнь, как ни тягостна, но еще более страшила меня смерть. И, думаю, если бы еще больше любил я его, еще сильнее ненавидел бы смерть. Порою мне казалось, что вскоре погибнут все: не пощадила же смерть такого прекрасного человека! Так, вспоминаю, думалось мне тогда.

Вот, Господи, душа моя, вот сердце мое; призри, Боже, надежда моя, упование мое, очисти и направь на путь истинный, ведущий к Тебе, «извлеки из сети ноги мои» (Пс. XXIV, 15). Да, я дивился тогда, что друг мой умер, а остальные —

живут; и еще больше удивлялся я тому, что живу я сам, который был как бы частью его; хорошо сказал кто-то о друге своем, назвав его «дорогой половиной души своей»<sup>1</sup>. И мне казалось, что у нас с ним была одна душа в двух телах потому-то и стала мне противна жизнь, что не хотел я жить наполовину, потому-то и страшила смерть, что казалось мне, пока я живу, и друг мой еще не совсем мертв.

## ГЛАВА VII

О, безумие, не умеющее любить человека так, как подобает любить человека! О, глупость, не знающая меры участия в страданиях человеческих! Я страдал, Так назвал Гораций своего друга Вергилия (Оды, I, 3). Вздыхал и стонал, проливал слезы и печалился. Я носился с измученною душою своею и не знал, куда ее пристроить. Ни прохладные рощи, ни театральные зрелища, ни музыка, ни изысканные пиры, ни удовольствия чувственной любви, ни книги не помогали душе моей; ни в чем не находила она успокоения. Все тяготило ее, все было ненавистно, кроме стонов и слез. Я знал, что за исцелением надлежало обратиться к Тебе, Господи, знал, но не обращался, да и не мог обратиться, ибо не имел тогда твердого представления о Тебе: ведь не Ты, а Твой призрак

был тогда для меня богом. И когда я силился направить душу по этому пути, она, теряясь в пустоте, вновь возвращалась ко мне и вовлекала меня в свое несчастье. Ибо куда душе моей уйти от себя? Куда мне самому уйти от себя? Куда идти, чтобы не встретиться с собою? И все же я бежал из отечества, где слишком многое связывало меня с умершим. Я покинул Тагасту и переехал в Карфаген.

## ГЛАВА VIII

Время не проходит напрасно и бесследно для наших чувств, творя в душе удивительные дела. День проходил за днем, принося новые встречи и новые впечатления; скорбь стихала, освобождая в душе место для новых радостей и новых огорчений. У меня появились другие приятели и знакомые, и вместе с ними я обращал свою любовь на те предметы, которые возлюбил вместо Тебя; это была какая-то страшная сказка, затянувшийся кошмар, и душа моя все больше развращалась в их кругу<sup>10</sup>. И все это продолжало жить, даже если кто-либо из них и умирал. Было в этом обществе что-то такое,

---

<sup>10</sup> Т. е. Августин по-прежнему исповедовал манихейство, и его новые приятели принадлежали к манихейской общине.

что увлекало душу мою; так, мы вместе беседовали и шутили, вместе читали сладкоречивые книги, вместе пустословили, воздавали друг другу всяческие почести, а если и спорили, то без неприязни, как часто рассуждает человек сам с собою, достигая этим еще большего согласия; мы вместе учились и учили, сожалели о тех, кто покидал наше общество и радовались неофитам. Все это, проистекающее из взаимного расположения и согласия, приводило к тому, что мы, как воск от огня, таяли и как бы сплавлялись в одно единое целое.

## ГЛАВА IX

Такова дружба, простирающаяся до того, что каждый по совести считает себя неправым, если не отвечает любовью на любовь, не требуя ничего взамен, кроме дружеской благожелательности. Потому так тяжела утрата друга, потому так сиротеет сердце; с потерей жизни умерших мертвеет жизнь живущих. Блажен, кто любит Тебя, кто любит и ближнего в Тебе, и врага ради Тебя. Тот не утратит близких своему сердцу, для кого дороги все ради Того, Кто существует всегда и пребывает вечно. И Кто это, как не Ты, Господи, Бог, сотворивший небо и землю и наполняющий их. Тебя никто не теряет, кроме того, кто сам удаляется

от Тебя, а что значит удаляться от Тебя, как не бежать от Твоей кротости к Твоему же гневу? Не везде ли встречается такой закон Твой в наказании своем? И закон Твой — истина, и истина — это Ты.

## ГЛАВА X

«Боже сил! восстанови нас; да воссияет лице Твое, и спасемся!» (Пс. LXXIX, 8). Куда бы ни обратилась душа, кроме Тебя, повсюду ожидает ее боль, хотя бы и встретила она красоту, но красоту вне Тебя и вне себя. Да и что это за красота, если она — вне Тебя? Прекрасное рождается и умирает; родившись, оно растет, стремясь расцвести, а расцветя — стареет и гибнет. Не всегда, впрочем, успевает состариться, но гибнет — всегда. И чем скорее родившееся растет, утверждая этим свое бытие, тем скорее оно стремится к небытию. Такова судьба всего преходящего, ибо оно — только часть целого, но не целое; части же не существуют одновременно, но, сменяя друг друга, они подобны актерам, играющим свои маленькие роли в одной большой пьесе. Это также похоже на нашу речь: она не будет целой, если каждое произнесенное слово будет постоянно звучать вместо того, чтобы исчезнуть и уступить место другому слову.

«Буду восхвалять Господа, доколе жив» (Пс. CXLV, 2), Господа, Создателя всего. И да не



прилепится душа к миру в чувственной любви, ибо мир идет к небытию, терзая душу смертной тоской; стремится душа отдохнуть на том, что любит, но где отдохнуть ей в этом мире, постоянно ускользающем, как угнаться за ним плотскому чувству, как удержать даже то, что здесь, под рукой? Медлительно плотское чувство, ограниченность — свойство его; как догнать ему то, что стремительно мчится к своему концу? Ибо словом Твоим всему обозначен предел.

## ГЛАВА XI

Не суетствуй душа, не заглушай уха сердца твоего, прислушайся: само Слово зовет тебя вернуться туда, где Любовь пребудет с тобою, если только ты вновь не оставишь Ее. Что-то покидает этот мир, освобождая место новому; «Разве Я могу уйти?» — вопрошает Слово. В Нем утверди жилище свое, доверься Ему, душа, уставшая от лжи. Истине доверь все то, что истинно в тебе, и этого уже не утратишь. И расцветет у тебя все увядшее, исцелится недужное, обновится преходящее и сохранится у Господа, Который «преживает вовек» (Пс. СІ, 13).

Зачем спешишь ты за плотью своей? Не ей ли надлежит следовать за тобою? О чем свидетельствует плоть, как не о частях? Что знает

она о целом? Но ведь ты радуешься и частям. А если бы узнала целое, то неужто не оставила бы части, чтобы наслаждаться целым? Ведь и речи ты воспринимаешь плотски, частями, но торопишь слоги, чтобы услышать все целиком. Так и те части, что составляют все целое; они не возникают одновременно, но, сменяя друг друга, вместе составляют то целое, которое, конечно же, прекрасней частей, но которое разом нам воспринять не дано. Насколько же велик Тот, Кто создал это целое — Господь наш, Который пребывает вовек, ибо кто заменит Его?

## ГЛАВА XII

Если ты радуешься телам, то хвали Создавшего их, если угодны души — хвали их в Господе, ибо вне Его и они — тлен. Люби их в Нем, привлекай к Нему, ибо «Он и не далеко от каждого из нас» (Деян. XVII, 2 7). Но где же Он? Где вкушают истину? Он во всяком сердце, но не всякое сердце — с Ним, хотя «дело закона... написано в сердцах» (Рим. II, 15). Так прильните же к Создавшему вас; стойте с Ним, и устоите; успокойтесь в Нем, и покойны будете. Куда стремитесь вы, безумцы? В какой мрак? Ведь все доброе, что вы любите, от Него, но только в Нем оно — сладостно, вне Его — горько, ибо

несправедливо любить доброе и отвернуться от Того, Кто это доброе дает. Зачем же скитаться путями кривыми — там не будет для вас покоя. Вы ищите там покоя, но там его нет. Жизни блаженной взыскуете вы в стране мертвецов, но не находите, ибо там нет никакой жизни.

Спустилась к нам сама Жизнь, и унесла смерть нашу, вырвала жало ее. Прозвучал зов Его, призывая нас к Нему, в святилище тайное. Оттуда спустился Он в девственное чрево, где сочеталась с Ним наша природа, плоть смертная, дабы обрести жизнь; и вот уже Он выходит оттуда, «как жених из брачного чертога своего, радуется, как исполин, пробежать поприще» (Пс. XVIII, 6). И Он не медлил, но устремился к нам, словами и делами, жизнью и смертью, сошествием и вознесением призывая нас вернуться к Нему. Он ушел от нас и вернулся, дабы пребыть в сердцах. «В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал» (Иоан. 1,10). Ему исповедуется душа моя, прося исцеления, ибо согрешила она пред Ним (Пс. XL, 5). «Сыны мужей! доколе будете любить суету и искать лжи?» (Пс. IX, 3). Жизнь спустилась к вам — почему не хотите подняться и жить? Но как подняться тем, которые «поднимают к небесам уста свои» (Пс. LXXII, 9)? Спуститесь, и подниметесь, ибо вы пали, восстав. Скажи им это, душа, увлеку их к Богу, ибо если говоришь с любовью, то от

Духа Святого слова твои.

### ГЛАВА XIII

Я не знал тогда этого, любя телесную красоту, я падал в бездну, говоря товарищам своим: «Что любим мы, как не прекрасное? Но что это, что есть красота? То, что привлекает нас в том, что мы любим, иначе чем бы оно привлекало нас?» Размышляя, я заметил, что любое тело представляет собою некоторое единство, единство же — прекрасно. Приятна также и гармония, согласованность единств. Так, члены тела бывают хороши и сами по себе, но еще красивее их соразмерность. Эти соображения я изложил в трактате «О прекрасном и соразмерном», состоящем, насколько помню, из двух или трех книг. Ты знаешь об этом, Господи, я же уже подзабыл. Да и самих тех книг у меня нет — я потерял их, не помню где и когда.

### ГЛАВА XIV

Зачем-то посвятил я эти книги некоему Гиерию, оратору из Рима. Я не знал его, Господи, но был наслышан о нем, как о великом ученом. Мне сообщили иные из его изречений, и они мне очень понравились. Но еще больше нравился он мне

потому, что нравился другим: его хвалили и прославляли, недоумевая при этом, как сириец, умевший вначале говорить только по-гречески, стал впоследствии столь искусным в латинском красноречии; к тому же говорили, что он был выдающимся знатоком философии. Кто-то хвалит человека, и вот его уже любят те, кто его в глаза не видел. Разве слова возбуждают эту любовь? Нет, любящий зажигает свою любовь другого. Поэтому и любят тех, кого хвалят другие, веря, что те хвалят любя. Так любил я тогда людей, доверяясь суду человеческому, а не Твоему, Боже, Который единственный правосуден.

Но почему его хвалили иначе, чем, скажем, возницу или циркача, прославленных народной любовью? Слава его была серьезной и степенной, а именно о такой я и мечтал. Сам я похваливал иных актеров, но предпочел бы скорее полную безызвестность, даже хулу, чем такую славу, такую любовь. Что за странные у души мерилы любви! Почему я люблю в другом то, от чего бы сам наотрез отказался? А ведь мы оба — люди! Понятно, что можно любить лошадь, не желая стать лошадью, но актер-то — человек. Что же, мне нравится в другом человеке то, что в себе самом ненавистно? Великая тайна — человек, у которого Тобою «волосы на голове все сочтены» (Мф. X, 30). Впрочем, легче счесть волосы его, чем чувства и

влечения сердца.

Что же до Гиерия, то я хотел бы стать таким оратором, как он. Я заблуждался в гордыне своей, был «колеблющимся и увлекающимся всяким ветром учения» (Еф. IV, 14), и скрыто было от меня руководство Твое. Ибо по правде я больше любил не его искусство, а ту славу и похвалы, которые он получал, и если бы за то же самое его ругали и презирали, я, пожалуй, также отвернулся бы от него. Вот какова душа, не прилепившаяся к непреложной истине. Ее несет и кружит, швыряет с места на место бурный вихрь слов и суждений, застилающих от нее ясный свет истины. Мне казалось тогда очень важным, чтобы книга моя стала известна этому человеку. Его одобрение значило для меня очень много, неодобрение же могло разбить мое суетное, неприкаянное сердце. Но в то же время, мысленно возвращаясь к написанному, я приходил в восторг от своей работы и не нуждался при этом ни в чьих похвалах.

## ГЛАВА XV

Я не видел главного в искусстве Твоем, «един творящий чудеса» (Пс. LXXI, 18). Душа моя была в плену у чувственных образов. Я пока лишь смог определить, пользуясь свидетельствами телесных восприятий, что есть «прекрасное» само по себе, и

что — «соразмерное», хорошо согласующееся с другими. Затем привлекла меня природа души, но ложные представления о духовном мире застили мне истину. Истина была рядом, перед глазами, но я отвращал свой взор от бестелесного к линиям и краскам, и к большим предметам. Не видя этого в душе, я думал, что нельзя увидеть и душу. Любя согласие, порождаемое добродетелью, я находил в нем единство, в раздоре же, следствии порока, — разделенность. Первое я полагал гармонией ума, истины и высшего блага, второе — неразумием и высшим злом, причем зло казалось мне, несчастному, не только некоей субстанцией, но даже жизнью, исходящей не от Тебя, Господи, от Которого — все. Единство я называл монадой, единым Умом, разделенность же — неопределенной двоицей, источником преступлений и похоти пороков. Я не ведал, что говорил; я не понимал, что зло несубстанциально, что ум-не высшее и неизменное благо. Преступление — это порочное движение души, побуждающее к действию, в котором душа стремится к дерзостному самоутверждению; разврат — необузданная жадность к плотским удовольствиям. Порочность же души ведет к заблуждениям и ложным мнениям. Таковой была тогда и моя душа, далекая от истинного света, а потому и не знавшая истины. «Ты возжигаешь

светильник мой, Господи; Бог мой просвещает тьму мою» (Пс. XVII, 29); «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены» (Иак. 1,17).

Я воспарял к Тебе и падал, ибо «Ты противишься гордым» (I Пет. V, 5). А что может быть большей гордыней, чем полагать себя единосущным Тебе? Я видел, что природа моя изменяема, поскольку стремился к мудрости затем, чтобы измениться к лучшему; а коли так, то я дерзнул вообразить, что изменяем и Ты. А потому я и падал, и носили меня продувные ветра. Я, «плоть, дыхание, которое уходит и не возвращается» (Пс. LXXVII, 39), скитался среди призраков того, чего нет ни в Тебе, ни во мне, ни в телах. Я вопрошал у своих сограждан, верных чад Твоих, кощунствуя и пустословя: «Почему заблуждается душа, сотворенная Богом?» Я не осмеливался спросить: «Почему заблуждается Бог?», но готов был скорее допустить эту мысль, чем признать, что сам я, изменяемый и преходящий, добровольно сбиваюсь с пути, караясь заблуждением.

Мне было где-то между двадцатью шестью и двадцатью семью годами, когда я закончил этот труд, изобилующий моими фантазиями и телесными образами, чем шум наполнял уши сердца моего. Я прислушивался, стараясь уловить



мелодию истины, звучащую в глубинах души моей. Я думал о прекрасном и соразмерном, желая услышать Тебя, дабы «радостью радоваться, слыша голос жениха» (Иоан. III, 29), но не слышал, ибо заблуждение мое громко звало меня и увлекало наружу. Ты | не давал мне услышать радость и веселие, и не радовались кости, Тобою сокрушенные (Пс. L, 10).

## ГЛАВА XVI

И много ли пользы было мне в том, что в свои двадцать лет я был единственным из учеников, кто смог прочесть и понять «Десять категорий» Аристотеля? А ведь мой наставник и многие другие, мужи весьма ученые, превозносили эту книгу до небес, и я мечтал о ней, как о чем-то великом и божественном. Беседуя по прочтении ее об этих категориях с другими, я узнал, что самостоятельно постиг то, что другим далось с большим трудом, после многих объяснений и даже рисунков на песке. Мне же показалось, что книга достаточно ясно толковала о субстанциях и их признаках, например: человек — качество; его рост — количество; он чей-то брат — отношение; он находится там-то — место; он родился тогда-то — время; он стоит или сидит — положение; он с оружием и в обуви — обладание; он делает или

претерпевает то-то — действие. Под эти десять категорий можно подобрать уйму примеров. И что, какая в них польза? Насчет пользы не скажу, а вред определенно был, ибо полагая, что десятью категориями охватывается все вообще, я и Тебя, Господи, простого и неизменного, силился рассматривать в качестве субъекта Твоих же величия и красоты, как будто речь шла о телесных атрибутах, тогда как Твое величие и Твоя красота — это Ты сам. Тело же само по себе ни велико, ни прекрасно. Ложью были мои мысли о Тебе, жалким вымыслом, а не блаженною крепостью Твоей. Ибо Ты повелел, и стало: «терние и волчцы» произвела мне земля, и «в поте лица» своего ел я хлеб свой (Быт. III, 18,19).

Велика ли была польза от того, что я, раб злых страстей, сам прочел и понял все книги, касавшиеся свободных искусств? Я радовался, читая их, и не понимал, откуда в них то, что было истинного и определенного. Я стоял спиной к свету, и лицо мое было в тени. Ты знаешь, Господи, что я без особого труда постиг красноречие, диалектику, геометрию, музыку и арифметику. Я был сообразителен и проницателен; это были Твои дары, ноне Тебе приносил я их в жертву. В них таилась погибель моя, ибо захватив имущество свое, я не сберег его для Тебя, но удалился в дальние страны, чтобы напрасно растратить его на блудные страсти. Я

получил немало добра, но тратил ли его на доброе? А между тем, когда я сам начал преподавать, я убедился, сколь трудны эти науки, как много усилий требуют они даже от лучших учеников.

А много ли пользы принесли мне эти нелепые измышления, будто Ты, Господи, Бог истины, — огромное светящееся тело, а я — его осколок? Предел извращенности! Но именно так я и думал. Я не краснею, исповедуя пред Тобою милосердие Твое ко мне: ведь не краснел же я, богохульствуя перед людьми. Вот сколько пользы извлек я из своего ума, столь способного в изучении наук и сложнейших книг, но такого беспомощного и темного в предметах благочестия. Насколько лучше ум пусть и более медлительный, но прилепившийся к Тебе, безмятежно оперяющийся в гнезде матери-Церкви и взращивающий крылья любви, питаюсь здоровой пищей правой веры. Господи, Боже мой, «в тени крыл Твоих я возрадуюсь» (Пс. LXII, 8); Ты понесешь нас от утробы матерней, и до седины нашей будешь носить (Ис. XLVI, 3,4), ибо сила наша — Ты, Господи, мы же сами — наше бессилие. Ты — благо наше, вне Тебя — безобразность и тлен. Прилепимся к Тебе — и устоим; рухнем, но сможем вернуться, ибо вовеки не рухнет дом наш, вечность Твоя.

## Книга пятая

## ГЛАВА I

Прими жертву мою, приносимую языком моим, который Ты сотворил и побудил исповедать имя Твое. «Все кости мои скажут Господи! кто подобен Тебе?» (Пс. XXXIV, 10), ибо исцелены. Что нового может сказать Тебе человек, исповедуясь пред Тобою: открыто Тебе сердце его; Тебе ведома жестокость его, которую Ты смягчаешь, когда хочешь, милостиво прощаешь или караешь, ибо «ничто не укрыто от теплоты» Твоей (Пс. XVIII, 7). Хвалит Тебя душа моя, желая возлюбить. Хвалят Тебя все творения Твои, всякая душа, обратившаяся к Тебе, все живое и неодушевленное устами созерцающих их. Да воспрянет душа от усталости, да взойдет к Тебе через творения Твои, дивно Тобою сотворенные, да обновится у Тебя и станет сильной.

## ГЛАВА II

Пусть бегут от Тебя нечестивцы; Ты видишь их и различаешь эти тени и призраки. И в то же время — все у Тебя прекрасно, хотя они — позор и нечестие. Чем могут они повредить Тебе, чем обесчестят власть Твою, справедливую от небес и

до края земли? Куда бегут, скрываясь от лица Твоего? Где найдешь Ты их? Они бегут, чтобы не видеть Тебя, видящего их, и в слепоте своей наткнутся на Тебя, ибо Ты не оставляешь творений Своих. В неправде своей они наткнутся на правду Твою, дабы понести наказание; не видя милосердия Твоего, они узнают справедливый гнев Твой. Ибо Ты повсюду, и нет такого места, где бы не было Тебя; они бегут от Тебя, но Ты всегда рядом, ибо создания Твои могут оставить Тебя, но Ты не оставляешь Своих созданий. Пусть же обратятся они к Тебе, пусть взыскуют Тебя-и вот, Ты уже в сердцах исповедующихся Тебе, плачущих на груди Твоей после долгих скитаний своих. И Ты, милосердный, оттираешь слезы их. утешаешь и обновляешь. Где же был я, когда искал Тебя? Ведь Ты был радом, я же — далеко, но не от Тебя, Господи, а от себя; я не находил себя, а потому не мог найти и Тебя.

### ГЛАВА III

Расскажу теперь пред лицом Господа моего о замечательном двадцать девятом годе жизни моей<sup>11</sup>. В этот год прибыл в Карфаген известный

---

<sup>11</sup> Т. е. о том времени, когда Августин порвал с манихеями.

епископ манихеев по имени Фавст, могучий ловец диавольский, многих прельстивший своим красноречием<sup>12</sup>. Но я искал не красивых слов, а знаний, которыми, как сообщала молва, блистал Фавст, будучи сведущим не только в высоких учениях, но и в свободных науках. К тому времени я прочел немало книг разных философов и, сравнивая их положения с бесконечными манихейскими баснями, начал приходить к выводу, что слова тех, у кого хватило ума исследовать временный мир, хотя они и не обратились к Господу, звучат убедительней. «Высок Господь, и смиренного видит, и гордого узнает издали» (Пс. СXXXVII, 6), но приближается лишь к смиренным; гордецы же далеки от Тебя, хотя бы и сочли они все звезды на небе и все песчинки в море, проследили и измерили пути светил. Они исследуют, руководствуясь разумом и способностями, дарованными Тобою; им уже удалось немало найти, предсказать на многие годы вперед солнечные и лунные затмения, и их расчеты и предсказания неизменно сбываются. Дивятся неосведомленные,

---

<sup>12</sup> Впоследствии Августин напишет сочинение «Против Фавста» в 33-х книгах, каждая из которых будет начинаться длинной цитатой из произведения Фавста об основах манихейства.

ликуют и кичатся знающие, в нечестивой гордыне своей удаляясь от истинного Света: они предвидят будущие затмения светил, но не могут увидеть собственного затмения, происходящего с ними уже сейчас. Они не вопрошают благоговейно, откуда у них эти способности, и даже поняв, что Ты создал их, они не вручают себя Тебе, дабы Ты сохранил их, не приносят в жертву Тебе ни мыслей своих, парящих в вышине наподобие птиц небесных, ни любопытства, блуждающего глубинными тропами наподобие рыб морских, ни распутства, в коем уподобляются полевым скотам, дабы Ты, Господь, «огнь поядающий, Бог ревнитель» (Втор. IV, 24), уничтожил их мертвенные заботы, обновил их для жизни вечной.

Они не познали пути Слова Твоего, Которым Ты создал и исчисляемое, и исчисляющих, и чувства их, с помощью которых они различают исчисляемое, и разум, с помощью которого они исчисляют, ибо «разум Его неизмерим» (Пс. CXLVI, 5). Единородный же Сын Твой сам стал для нас мудростью, праведностью и освящением, хотя и был как один из нас и платил подать кесарю. Они не познали этого пути, чтобы спустившись от себя к нему, через него подняться к Тебе. Они думали, что исчисляя звезды сами сияют среди них; и вот рухнули они, и омрачились их безумные сердца. Много верно сообщают они о твари, Творца же не

ищут, а потому и не находят. А если некоторые из них и находили, то «познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце: называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся... Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись и служили твари вместо Творца» (Рим. 1,21 — 25).

Но было у них сказано много верного о природе, их разумные объяснения подтверждались вычислениями, сменой времен, движением звезд. Я сравнивал все это со словами Мани, приведенными в его многочисленных сочинениях, и не находил ни одного стоящего рассуждения ни о солнцестояниях, ни о равноденствиях, ни о затмениях, ни вообще о чем-либо таком, о чем говорилось в книгах мирской премудрости. Нам предписывалось верить тому, что никак не соответствовало ни доказанному и подтвержденному строгими вычислениями, ни тому, что видели мои глаза; более того, многие положения были этому прямо противоположны.

## ГЛАВА IV

Неужели же тот, кто обогатился подобными знаниями, тем самым угоден и приятен Тебе,



Господи, источник всякой истины? Несчастен тот, кто все это знает, а Тебя не знает; блажен, кто знает Тебя, хотя бы он и не знал ничего другого. Ученого же, познавшего Тебя, сделают блаженными не его науки, а если он, «познав Тебя, как Бога, возблагодарит Тебя и не осуетится в умствованиях своих». Куда лучше иметь дерево и разумно пользоваться плодами его, возблагодарив Создавшего его, и не знать при этом его высоты и ширины, чем знать, как измерить его и сосчитать ветви, но не иметь его и не любить Создавшего его. Так и праведным принадлежит весь мир; «они ничего не имеют, но всем обладают» (II Кор. VI, 10), прилепившись к Тому, от Кого — все. Пускай они не знают, где находятся септентрионы<sup>13</sup> — неужто от этого им хуже, чем тому, кто измеряет небо, считает звезды, взвешивает вещества, но при этом пренебрегает Тобою, расположившему все мерою, числом и весом?

## ГЛАВА V

Кому нужно было, чтобы какой-то Мани писал о том, без познания чего можно обучиться благочестию? Ты ведь сказал человеку: «Вот, страх

---

<sup>13</sup> Семь звезд Большой Медведицы.